

СТИВЕН

ПАРЕНЬ
ИЗ КОЛОРАДО

МАГNET

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Парень из Колорадо

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
THE COLORADO KID

Перевод с английского *В. Вебера*

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Парень из Колорадо : [роман] / Стивен Кинг : [пер. с англ. В. А. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 192 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-095169-7

На маленьком острове близ побережья штата Мэн найден труп молодого мужчины, но при нем не обнаружено никаких документов.

Кто он? Что привело его в это уединенное место? И действительно ли, как утверждает полиция, причиной смерти стал несчастный случай?

Два местных журналиста решают раскрыть тайну гибели незнакомца самостоятельно. Но чем дальше продвигается их расследование, тем больше возникает вопросов и тем меньше на них ответов...

«Парень из Колорадо» — захватывающий роман, написанный в лучших традициях классического американского детектива. Стивен Кинг вновь доказывает — его «фирменный стиль» хорош для любого жанра.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-095169-7

© Stephen King, 2005
© Перевод. В. Вебер, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

*С восхищением — Дэну Дж. Марлоу,
автору романа «Имя игры: Смерть».
Самый крутой из всех крутых детективов*

Глава 1

Как только журналисту из «Бостон глоуб» стало понятно, что из этих двух стариков, составлявших штат «Островного еженедельника», ничего интересного не вытянешь, он посмотрел на часы и прикинул, что успеет — если поторопится — к парому, отплывающему на материк в половине второго. Поблагодарил за время, которое ему уделили, положил на скатерть две купюры, придавил солонкой, чтобы их не унес порыв бриза, и поспешил вниз по каменным ступеням: из внутреннего дворика «Серой чайки» к Бэй-стрит и маленькому городку внизу. Что же касается молодой женщины, сидевшей между стариками, то по ходу разговора она — точнее, ее грудь — удостоилась лишь нескольких беглых взглядов гостя.

Едва журналист «Глоуб» отбыл, Винс Тиг перегнулся через стол, вытащил купюры — обе по пятьдесят долларов — из-под солонки и с выражением глубокого удовлетворения сунул их в накладной

карман старого, но вполне пристойного твидового пиджака.

— Что вы делаете? — спросила Стефани Маккэнн. Она знала, как нравилось Винсу шокировать, по его терминологии, «ее юные косточки» (если на то пошло, это нравилось обоим старикам), но на этот раз не смогла сдержать удивления.

— А на что это похоже? — Винс выглядел еще более удовлетворенно. Он погладил клапан кармана, в котором исчезли деньги, и отправил в рот последний кусок сэндвича с лобстером. Потом вытер губы бумажной салфеткой и ловко поймал оставленный журналистом пластиковый нагрудник для поедания лобстеров, когда особенно сильный порыв соленого ветра попытался его унести. Шишковатая от артрита рука казалась гротескной, но проделал он все это весьма проворно.

— Мне кажется, что вы прикарманили деньги, оставленные мистером Хэнретти на оплату нашего ланча, — ответила Стефани.

— Ага, зрение у тебя хорошее, Стефф, — согласился Винс и подмигнул второму старику. Дейв Боуи выглядел ровесником Винса Тига, но на самом деле родился двадцатью пятью годами позже. Все зависит от механизма, который достается тебе по лотерейному билету, говорил по этому поводу Винс. И ты живешь, ремонтируя его по мере необходимости, пока он работает. Винс также утверждал,

что даже тем, кто перешагнул вековой рубеж — а он твердо намеревался попасть в их число, — жизнь кажется не длиннее летнего полдня.

— Но *почему*?

— Ты боишься, что я не оплачу счет и повешу его на Хелен? — спросил он.

— Нет... кто такая Хелен?

— Хелен Хафнер, она нас обслуживала. — Винс кивком указал на полноватую женщину лет сорока, собиравшую грязные тарелки со стола на другом конце внутреннего дворика. — Потому что такова политика Джека Муди, который, так уж вышло, владелец этой замечательной едальни, и его отца, если тебе интересно...

— Мне — да, — сказала Стефани.

Дэвид Боуи, проработавший ответственным редактором чуть меньше, чем прожила на свете Хелен Хафнер, наклонился вперед и положил пухлую ладонь на юную и изящную руку Стефани.

— Я знаю, что интересно. И Винс тоже. Поэтому он ходит вокруг да около, чтобы все объяснить.

— Потому что это учеба, — улыбнулась Стефани.

— Совершенно верно, — кивнул Дейв. — И в чем везет старикам вроде нас?

— Вы можете позволить себе учить только тех, кто хочет учиться.

— Точно. — Дейв откинулся на спинку стула. — Именно так. — Он не носил пиджаки — ни клас-

сические, ни приталенные, — отдавая предпочтение старому зеленому свитеру. Стоял август, и Стефани полагала, что во внутреннем дворике «Чайки» очень даже тепло, несмотря на дувший с моря ветер, но она знала, что оба старика крайне чувствительны к малейшему похолоданию. В случае Дейва ее это немного удивляло: шестьдесят пять лет и добрых тридцать лишних фунтов. Винс Тиг выглядел на семьдесят (и был вполне подвижным, несмотря на скрюченные артритом руки), но в начале лета ему исполнилось девяносто, и он был худым как щепка. «Фаршированный шнурок» — так называла его (обычно пренебрежительно фыркая) миссис Пиндер, внештатный секретарь «Еженедельника».

— Политика «Серой чайки» такова: официантки несут ответственность за счет, пока он не оплачен, — объяснил Винс. — Джек первым делом предупреждает об этом всех женщин, которые хотят устроиться к нему на работу, чтобы потом они не скулили, приходя со слезами на глазах и утверждая, будто никогда об этом не слышали.

Стефани оглядела внутренний дворик, даже в двадцать минут второго наполовину заполненный посетителями, потом перевела взгляд на обеденный зал, из окон которого открывался прекрасный вид на Лосиную бухту. Почти все столики заняты, и она знала, что со Дня памяти до конца июля очередь в ресторан исчезает только около трех часов

дня. Другими словами, управляемый бедлам. И нельзя ожидать, что каждая официантка уследит за всеми своими клиентами, если она едва успевает поворачиваться, разнося подносы с только что сваренными лобстерами и моллюсками...

— Едва ли можно сказать, что это... — Стефани замолчала, задавшись вопросом, а не засмеет ли ее эта парочка, которая издавала свою газету еще в те времена, когда не существовало такого понятия, как минимальная заработная плата.

— Честно? Это слово ты никак не можешь найти? — сухо спросил Дейв и взял сэндвич. Последний на блюде.

«Честно» заканчивалось у него на «а», совсем как «ага», то самое слово, которое означало у янки «да» и «да ну?». Стефани училась в Цинциннати, штат Огайо, и когда приехала на Лосиный остров, чтобы пройти стажировку в «Еженедельнике», поняла, что ближайшее будущее — безнадега, еще слово, рифмующееся с «ага» в речи жителей Штата Попутного Ветра*. Чему она могла здесь научиться, если понимала одно слово из семи? А если бы продолжила просить их повторить только что сказанное, как скоро они бы решили, что имеют дело с классическим случаем врожденного идио-

* Штат Попутного Ветра — неофициальное название штата Мэн — *Здесь и далее примеч. пер.*

тизма («йдитизма», как сказали бы на Лосином острове)?

Университетская программа стажировки была рассчитана на четыре месяца, но уже на четвертый день Стефани решила вернуться в Цинциннати, когда Дейв отвел ее в сторону и сказал: «Не сдавайся, Стеффи, все придет само». И точно, пришло. Разом, буквально в одночасье, она начала понимать местную речь. Словно чудесным образом лопнули пузыри, которые затыкали ее уши. Она полагала, что не сумеет говорить, как они, даже прожив тут до самой смерти, но понимать? Этой чести она удостоилась, да-да.

— Да, именно его, — согласилась Стефани.

— Такое слово если и присутствует в лексиконе Джека Муди, то используется исключительно для прогноза погоды, — отметил Винс и тем же тоном добавил: — Положи сандвич, Дэвид Боун, нельзя тебе больше толстеть. Клянусь, ты уже превратился в хряка.

— Насколько я помню, мы не женаты, — ответил Дейв, отправив в рот очередной кусочек сандвича. — Неужели ты не можешь рассказывать ей, о чем тебе хочется, не цепляя меня?

— Ну не нахал ли? — покачал головой Винс. — И никто не объяснял ему, что нельзя разговаривать с набитым ртом. — Он перекинул руку через спинку стула, и дувший с залитого солнцем океана ве-

тер отбросил со лба тонкие седые волосы. — Стеффи, у Хелен трое детей от шести до двенадцати лет и муж, который от нее сбежал. Она не хочет уезжать с острова и едва сводит концы с концами, работая официанткой в «Серой чайке», потому что лето здесь чуть сытнее скудной зимы. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Да, будьте уверены, — отозвалась Стефани, и в тот самый момент к ним подошла женщина, о которой они говорили. Стефани обратила внимание, что на ней толстые компрессионные колготки, не скрывавшие полностью варикозных вен, а под глазами у нее — темные мешки.

— Винс, Дейв. — Хелен кивнула красотке, чьего имени не знала. — Видела, как удрал ваш приятель. Спешил на паром?

— Точно, — ответил Дейв. — Вдруг вспомнил про неотложное дело в Бостоне.

— Ага. Вы закончили?

— Скоро уходим, — ответил Винс, — но принеси чек, если не затруднит, Хелен. Дети в порядке?

Хелен Хафнер поморщилась:

— На прошлой неделе Джуд вывалился из шалаша на дереве и сломал руку. Как он орал! Напугал до смерти!

Старики переглянулись... и рассмеялись. Быстро опомнились, на их лицах появилось виноватое

выражение, Винс посочувствовал, но Хелен это не устроило.

— Мужчины могут смеяться, — устало, язвительно улыбаясь, поделилась она со Стефани. — Мальчишками они все падали с деревьев и ломали руки и помнят только одно: какими славными они были пиратами. А как мать вставала по ночам, чтобы дать им таблетку аспирина, не помнят. Чек я принесу. — И отошла, шаркая кроссовками со стоптанными задниками.

— Добрая душа. — На лице Дейва еще читался стыд.

— Несомненно, — кивнул Винс, — и если она нас отчитала, так мы того заслуживали. Теперь о нашем ланче, Стеффи. Я не знаю, сколько стоят в Бостоне три сэндвича, один лобстер с моллюсками и четыре стакана ледяного чая, но наш журналист явно забыл, что мы находимся — по экономической терминологии — в «регионе промысла», вот и оставил на столе сотню баксов. Если Хелен принесет нам чек на сумму, превышающую пятьдесят пять, я улыбнусь и расцелую свинью. Следишь за ходом моих мыслей?

— Да, конечно, — кивнула Стефани.

— Для этого парня из «Глоуб» ситуация следующая. Он нацарапает: «Ланч, Серая чайка, Лосиный остров и Нераскрытые тайны» в своей маленькой расходной книжечке, выданной «Бостон глоуб»,

пока паром будет везти его на материк. Если он честный — напишет сто баксов, а если душа у него вороватая — сто двадцать, а на двадцатку сводит девушку в кино. Уловила?

— Да, — ответила Стефани и укоризненно посмотрела на него, допивая чай. — Думаю, вы слишком циничны.

— Нет, будь я слишком циничен, сказал бы «сто тридцать», можешь не сомневаться. — Последнее вызвало у Дейва короткий смешок. — В любом случае, он оставил сотню, то есть на тридцать пять долларов больше, чем следовало, даже с учетом двадцатипроцентных чаевых. А потом я взял его деньги. Когда Хелен принесет чек, я в нем только распишусь, потому что у «Еженедельника» здесь текущий счет.

— И я надеюсь, что вы дадите ей на чай больше двадцати процентов, — вставила Стефани. — С учетом ее ситуации дома.

— В этом ты как раз и ошибаешься, — ответил Винс.

— Ошибаюсь? *Почему?*

Он снисходительно посмотрел на нее:

— А как ты думаешь? Потому что я прижимистый? Как и все янки?

— Нет. В это я больше не верю. Как и в то, что все негры ленивые, а все французы целыми днями думают только о сексе.

— Тогда пораскинь мозгами. Ими Господь тебя не обидел.

Стефани пыталась оправдать доверие. Старики с интересом наблюдали за ней.

— Она воспримет это как милостыню, — наконец решилась Стефани.

Винс и Дейв весело переглянулись.

— Что не так? — спросила Стефани.

— Совсем рядом с ленивыми неграми и сексуальными французами, дорогуша. — Дейв нарочито усилил выговор восточного побережья, растягивая слова. — Только теперь это гордая женщина-янки, которая не примет подачку.

Чувствуя, что забирается в социологические дебри все глубже, Стефани спросила:

— Вы хотите сказать, что примет? Не ради себя — для детей.

— Человек, оплативший наш ланч, — не местный, — напомнил Винс. — С точки зрения Хелен Хафнер, у приезжих деньги просто вываливаются из... из бумажников.

Стефани повеселило, как Винс ради нее неожиданно смягчил высказывание, и она оглядела сначала внутренний дворик, где они сидели, а потом и обеденный зал, через стеклянные стены. Обнаружила кое-что интересное. Многие — если не все — посетители, сидевшие на ветру, были местными, как и большинство официанток, которые

их обслуживали. Обеденный зал оккупировали приезжие с материка, так называемые «летние люди», и обслуживали их более молодые официантки. Более симпатичные, и тоже издалека. Нанятые на сезон. Тут Стефани сразу все поняла. Она сильно ошиблась, обратившись к социологии. Ларчик открывался гораздо проще.

— В «Серой чайке» официантки делят чаевые поровну, так? — спросила она. — В этом все дело?

Винс нацелил на нее палец, словно ствол револьвера.

— В яблочко!

— Так что же вы сделаете?

— Сделаю я вот что. Добавлю к счету пятнадцать процентов чаевых, когда буду подписывать чек, а сорок долларов из оставленных этим парнем суну Хелен в карман. Они достанутся только ей, газета не понесет дополнительных расходов, а дядю Сэма не должно волновать то, о чем он не знает.

— Именно так ведет бизнес Америка, — с серьезным видом добавил Дейв.

— И знаешь, что мне особенно нравится? — спросил Винс Тиг, подставив лицо солнечным лучам. Когда он прищурился, на его коже проступили тысячи морщинок. С ними он все равно не выглядел на свой возраст, но лет на восемьдесят тянул.

— Нет. Что? — заинтересованно спросила Стефани.

— Мне нравится, как деньги ходят кругами, словно одежда в стиралке. Мне нравится за этим наблюдать. И на этот раз, когда машина наконец-то остановится, перестав вращаться, деньги останутся здесь, на Лосином острове, где людям они и впрямь нужны. А что еще лучше, этот городской тип заплатил за наш ланч, но ушел отсюда несолоно хлебавши.

— Даже убежал, — поправил его Дейв. — Спешил на паром, если кто не в курсе. Напомнил мне стихотворение Эдны Сент-Винсент Миллей: «Мы очень устали, мы много смеялись, мы целую ночь на пароме катались». Не совсем точно, но близко.

— Едва ли он смеялся, но до следующей своей остановки наверняка доберется уставшим, — заметил Винс. — Если не ошибаюсь, он упомянул Мадаваску. Может, найдет там какие-то нераскрытые тайны. К примеру, выяснит, почему кому-то хочется там жить. Дейв, поможешь мне.

Стефани верила, что эти два старика могли общаться телепатически, возможно, сами того не подозревая. За три месяца, проведенные на Лосином острове, она несколько раз становилась тому свидетельницей и теперь видела еще один пример. Официантка возвращалась с чеком в руке. Дейв сидел к ней спиной, но Винс видел, что она приближается, и точно знал, чего хочет издатель «Островного еженедельника». Дейв сунул руку в

задний карман, вытащил бумажник, достал две купюры, сложил их и передал Винсу. Хелен подошла мгновением позже. Одной скрюченной рукой Винс взял у нее чек. Другой — сунул купюры в карман фартука.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарил он ее.

— Вы точно не хотите десерт? — спросила она. — Могу принести фирменный шоколадно-вишневый торт. В меню его нет, но кусочек я найду.

— Я — пас. Стеффи?

Она покачала головой. Как — с сожалением — и Дейв Боун.

Хелен одарила (если это подходящее слово) Винсента Тига суровым оценивающим взглядом.

— Немного жирка тебе не помешает, Винс.

— Мы с Дейвом — что Джек Спрэт с женой*, — весело воскликнул Винс.

— Ага. — Хелен посмотрела на Стефани и неожиданно добродушно подмигнула. — Ну и парочку вы себе выбрали, мисси.

— Они хорошие, — ответила Стефани.

— Конечно, и потом вы прямоком отправитесь в «Нью-Йорк таймс». — Хелен собрала грязную посуду, добавила: — Еще вернусь, чтобы окончательно прибраться, — и отчалила.

* Джек Спрэт и его жена — персонажи детской народной песенки, вошедшей в сборник «Стихи и песенки Матушки Гусыни».

— Обнаружив сорок долларов в кармане, она догадается, кто их туда положил? — спросила Стефани и вновь оглядела внутренний дворик, где два десятка посетителей пили кофе, ледяной чай, пиво или лакомились не значащимся в меню шоколадно-вишневым тортом. Судя по внешнему виду, не все могли сунуть сорок долларов в карман официантке, но некоторые — вполне.

— Вероятно, да, — кивнул Винс. — Ответь мне на один вопрос, Стеффи.

— Обязательно, если смогу.

— Если она не догадается, станет ли наша сделка из-за этого неправомерной?

— Я не понимаю, что вы...

— Думаю, понимаешь, — оборвал он ее. — Пошли, пора возвращаться в редакцию. Новости не ждут.

Глава 2

Один нюанс работы в «Островном еженедельнике» нравился Стефани больше всего, нюанс, завораживавший ее и после трех месяцев стажировки, которые она провела — по большей части — за написанием рекламных объявлений: в солнечный день, стоило отойти на шесть шагов от стола, и перед тобой открывался потрясающий вид на побережье штата Мэн. Для этого требовалось лишь выбраться на крытую террасу над морем, протянувшуюся вдоль напминавшего амбар здания редакции. Да, воздух здесь пропах рыбой и водорослями, но на Лосином острове этим пропахло все. К запаху этому, как узнала на собственном опыте Стефани, привыкнуть удавалось легко, а потом происходило удивительное: когда нос уже ничего не чувствовала, запах вновь напоминал о себе, и ты в него влюблялся.

В солнечные дни (такие как этот в конце августа) каждый дом и причал, каждое рыбацкое судно

со стороны Тиннока прорисовывались ясно и отчетливо. Она могла прочитать «Суноко» на боку дизельного насоса и «Ли-Ли Бетт» на корпусе рыболовной шхуны, которую в межсезонье вытащили на берег, чтобы счистить старую краску и покрасить заново. Она могла разглядеть мальчишку в шортах и свитере «Патриотов» с отрезанными рукавами, удящего рыбу на замусоренном галечном пляже рядом с «Баром Престопа», и тысячи солнечных зайчиков, отражающихся от оцинкованного железа сотни деревенских крыш. А между Тиннок-Виллидж (размером с приличный городок) и Лосиным островом солнце светило на самую синюю воду, какую Стефани только доводилось видеть. В такие дни она задавалась вопросом, вернется ли на Средний Запад, сможет ли заставить себя. Но и в дни, когда остров окутывал туман, материк исчезал, и лишь печальный рев туманной сирены набирал силу и замолкал, словно голос какого-то древнего зверя... она задавалась тем же вопросом.

Будь осторожнее, Стеффи, однажды сказал ей Дейв. Подошел к ней, когда она сидела на террасе с раскрытым линованным блокнотом на коленях и незаконченной колонкой «ИСКУССТВО», которую начала писать своим размашистым, наклонным влево почерком. *Привычка к островной жизни умеет каким-то образом проникать в кровь,*

а потом ничем не отличается от малярии. Избавиться от нее нелегко.

И теперь, включив свет (солнце перебралось на другую сторону здания, и в комнате потемнело), Стефани села за стол и пододвинула к себе верный линованный блокнот с новой колонкой «ИСКУССТВО» на раскрытой странице. Она в немалой степени напоминала любую из полудюжины написанных ранее, но Стефани все равно смотрела на нее с любовью. Это, в конце концов, и была ее работа, строчки, за которые ей платили деньги, и Стефани не сомневалась, что люди, жившие в зоне распространения «Еженедельника» — не такой, между прочим, маленькой, — на самом деле читали эту колонку.

Винс сел за свой стол, коротко, но достаточно громко крикнув. Затем последовал треск: он повернулся сначала налево, потом направо. Процесс этот Винс называл «усадкой позвоночника». Однажды Дейв сказал ему, что когда-нибудь эта «усадка» парализует его от шеи до пяток, но Винса подобная перспектива нисколько не волновала. Он включил компьютер, а ответственный редактор устроился на краешке стола, достал зубочистку и принялся обследовать верхнюю челюсть.

— И что это будет? — спросил Дейв, пока компьютер загружался, а Винс ждал. — Пожар? Наводнение? Землетрясение? Бунт народных масс?

— Я думал начать с Эллен Данвуди, которая сшибла пожарный гидрант на Бич-лейн, когда в ее автомобиле отказал ручник. Потом, должным образом разогревшись, перейду к правке моей библиотечной передовицы, — ответил Винс, хрустнув пальцами.

Дейв глянул на Стефани со своего насеста на краю стола.

— Сначала спина, потом пальцы. Если он научится играть «Сухие кости»^{*} на ребрах, выступление в программе «Американский идол» гарантировано.

— Вечно он все критикует, — весело пожаловался Винс, дожидаясь загрузки компьютера. — Знаешь, Стефф, есть в этом что-то извращенное. Здесь сижу я, девяноста лет от роду, готовый сыграть в ящик, и пользуюсь новеньким компьютером «Макинтош». А там — ты, двадцатидвухлетняя и прекрасная, свеженькая, как только что сорванный персик, карябаешь в линованном блокноте, словно старая дева из викторианского романа.

— Я не верю, что линованные блокноты изобрели в викторианскую эпоху, — ответила Стефани, перебирая бумаги на столе. Когда она в июне прибыла на Лосиный остров и в «Еженедельник», ей выделили самый маленький стол — чуть больше ученической парты — в дальнем углу. В середине

^{*} «Сухие кости» — песня Джеймса Уэлдона Джонсона (1871—1938) в стиле спиричуэл.

июля ее повысили — пересадили за большой стол в центре комнаты. Стефани порадовалась, но увеличившееся пространство усложняло поиски нужных бумаг. Вот и теперь она перебирала их, пока наконец не отыскала ярко-розовый проспект. — Кто-нибудь знает, какая организация получает прибыль от Ежегодного праздника окончания лета на ферме Жернера с катанием на возу сена, пикником, танцами и выступлениями Литл Джоанны Джей и «Стро хилл бойз»?

— Эта организация — Сэм Жернер, его жена, пятеро детей и многочисленные кредиторы, — ответил Винс, и его компьютер пикнул. — Я как раз собирался сказать тебе, Стефф: ты многого добилась со своей маленькой колонкой.

— Да, это так, — согласился Дейв. — Думаю, мы получили десятка два писем, и только одно ругательное, от миссис Эдайны Стин, королевы правописания побережья Штата Попутного Ветра, которая совсем спятила.

— Да, крыша съехала полностью, — согласился Винс.

Стефани улынулась, подумав о том, как редко — после того как ушло детство — удастся ощутить абсолютное, ничем не замутненное счастье.

— Спасибо. Спасибо вам обоим. — И тут же добавила: — Могу я вас кое о чем спросить? Честно и откровенно?

Винс развернул стул и посмотрел на нее.

— Спрашивай о чем угодно, если твой вопрос позволит оттянуть мою встречу с миссис Данвуди и пожарным гидрантом.

— А мою — со счетами, — вставил Дейв. — Пусть я и не смогу уйти домой, не покончив с ними.

— Не позволяй бумагам стать твоим боссом! — отчеканил Винс. — Сколько раз я тебе об этом говорил?

— Сказать-то легко, — фыркнул Дейв. — Думаю, ты не заглядывал в бухгалтерскую книгу «Еженедельника» лет десять, не говоря уже о том, чтобы ей заняться.

Стефани твердо решила не дать им увлечься — и отвлечь ее — старческим брюзжанием.

— Перестаньте. Оба.

Они замолчали, удивленно уставившись на нее.

— Дейв, вы сказали этому мистеру Хэнретти из «Бостон глоуб», что в паре с Винсом проработали в «Островном еженедельнике» сорок лет.

— Ага, и...

— А вы, Винс, основали эту газету в тысяча девятьсот сорок восьмом году.

— Совершенно верно, — кивнул Винс. — До лета сорок восьмого у нас издавался только еженедельник «Покупка и продажа» — бесплатная рекламная газета, которая распространялась в людных местах острова и в крупных магазинах на матери-

ке. Я был молодым, упрямым, и мне невероятно везло. Тогда случились большие пожары в Тиннокке и Хэнкоке. Эти пожары... Не скажу, что наша газета встала на ноги *только* благодаря им — хотя некоторые именно так в свое время и говорили, — но, конечно, нам удалось взять хороший старт. Такого количества рекламных объявлений, как летом сорок восьмого, я не публиковал до пятьдесят шестого.

— Итак, вы издаете эту газету более пятидесяти лет, и за все это время ни один из вас не сталкивался с нераскрытой тайной? Неужели это правда?

— Мы никогда такого не говорили! — воскликнул, казалось бы, потрясенный до глубины души Дейв Боуи.

— Господи, ты же там была! — присоединился к нему не менее возмущенный Винс.

Еще мгновение выражения их лиц не менялись, но поскольку Стефани Маккэнн продолжала переводить взгляд с одного на другого, суровая, как мымра-учительница в Средней школе Джона Форда, они не выдержали. Сначала задрожал уголок рта Винса Тига, потом начал дергаться глаз Дейва Боуи. Все могло бы кончиться хорошо, но они допустили ошибку, переглянувшись, и тут же рассмеялись, как два самых старых мальчишки в мире.

Глава 3

— Именно ты рассказал ему о «Красотке Лизе», — напомнил Дейв Винсу, когда снова взял себя в руки. Рыбацкую шхуну «Красотка Лиза Кабо» выбросило на берег соседнего островка Смэк в двадцатых годах прошлого века. Одного моряка нашли мертвым на носовой палубе, остальные пятеро исчезли. — Как думаешь, сколько раз Хэнретти слышал эту байку, прочесывая нашу часть побережья?

— Понятия не имею. Все зависит от того, в скольких местах он успел побывать, прежде чем добрался до нас, дорогой, — ответил Винс, и в следующее мгновение старики снова загоготали: Винс хлопал себя по костлявому колену, а Дейв — по толстому бедру.

Стефани, хмурясь, наблюдала за ними: не злилась, не находила повода для веселья (может, самую малость), просто старалась понять, что их так забавляет. Сама она полагала, что история «Красот-

ки Лизы Кабо» вполне годится хотя бы для одного из восьми выпусков цикла — маэстро, туш — «Нераскрытые тайны Новой Англии». И ей хватало ума и наблюдательности, чтобы не усомниться в том, что мистер Хэнретти не счел эту историю достойной внимания. По выражению его лица Стефани поняла, что он слышал ее в своих оплаченных «Глоуб» странствиях по побережью между Бостоном и Лосиным островом, скорее всего, не единожды.

Винс и Дейв кивнули, когда она озвучила эту мысль.

— Ага, — ответил ей Дейв. — Хэнретти, конечно, приезжий, но это не означает, что он глупец или лентяй. Тайна «Красотки Лизы», которая мусолится долгие годы, почти наверняка связана с бутлегерами, ввозившими из Канады спиртное и не стеснявшимися пускать в ход оружие, пусть точно этого никто не знает. Она описана в пяти или шести книгах, не говоря уже о журналах «Янки» и «Даун-ист». Кстати, Винс, а разве «Глоуб»?..

Винс кивнул.

— Семь, может, девять лет тому назад. В воскресном приложении. Хотя это мог быть «Провиденс». Я уверен, что это портлендская «Санди телеграм» опубликовала большую статью о мормонах, которые объявились во Фрипорте и попытались что-то раскопать в Пустыне штата Мэн.

— И о Береговых огнях пятьдесят второго года газеты пишут практически на каждый Хэллоуин, — радостно добавил Дейв. — Не говоря об уфологических сайтах.

— А в прошлом году какая-то женщина написала книгу об отравлениях на том церковном пикнике в Тэшморе, — закончил Винс. Речь шла о последней «нераскрытой тайне», которую они вывалили на репортера «Глоуб» за ланчем. После нее Хэнретти и решил, что может успеть на паром, отплывающий в половине второго, и в какой-то степени Стефани его не винила.

— То есть вы водили его за нос. Дразнили старыми историями.

— Нет, дорогуша! — На этот раз по голосу Винса чувствовалось, что он искренне изумлен. (*Ну, возможно, подумала Стефани.*) — Каждая из них — настоящая нераскрытая тайна побережья Новой Англии, даже нашей части побережья.

— Мы не могли знать наверняка, что ему известны все эти истории, пока не рассказали их, — здраво отметил Дейв. — Но нас и не удивило, что он оказался в курсе.

— Не удивило, — согласился Винс, его глаза весело сверкали. — Ага, давнишние истории, что тут скажешь. Но благодаря им мы вкусно поели, так? И проследили за круговоротом денег, поспо-

собствовали тому, чтобы они попали куда нужно... Скажем, в карман Хелен Хафнер.

— И эти истории — единственные, которые вы знаете? Истории, пережеванные в кашу в книгах и газетах?

Винс посмотрел на Дейва, своего давнего соратника.

— Я такое говорил?

— Нет, — ответил Дейв. — И не припоминаю, чтобы я говорил.

— Так о какой *еще* нераскрытой тайне вы знаете? И почему не рассказали ему?

Старики переглянулись, и вновь Стефани Маккэнн почувствовала их телепатическую связь. Винс чуть заметно мотнул головой в сторону двери. Дейв поднялся, пересек ярко освещенную половину длинной комнаты (в более темной стояла большая старомодная офсетная печатная машина, которой не пользовались уже семь лет), перевернул табличку на двери с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО» и вернулся к столу.

— Закрыто? В середине дня? — спросила Стефани с ноткой тревоги, в мыслях, если не в голосе.

— Если кто-то придет с новостями, то постучит, — весьма разумно ответил Винс. — Если с сенсацией — забарабанит в дверь.

— А если в городе начнется пожар, мы услышим сирену, — вставил Дейв. — Пошли на террасу,

Стеффи. Нельзя упускать августовское солнце: оно нас ждать не будет.

Стефани посмотрела на Дейва, потом на Винса Тига, в девяносто соображавшего не хуже, чем в сорок пять. Она в этом убедилась.

— Учеба продолжается?

— Точно, — кивнул Винс, и, хотя он улыбался, она чувствовала, что говорит он серьезно. — Ты же знаешь, в чем везет таким старикам, как мы.

— Вы можете учить только тех, кто хочет учиться.

— Ага. Ты хочешь учиться, Стеффи?

— Да, — без запинки ответила она, несмотря на необъяснимую внутреннюю тревогу.

— Тогда выходи на террасу и присядь, — предложил Винс. — Выходи и присядь.

Так она и поступила.

Глава 4

Горячее солнце, прохладный воздух, бриз, благоухающий запахом соли, наполненный звоном склянок, сигнальными гудками, шумом плещущейся воды. Все эти звуки она полюбила в первые недели. Мужчины сели по обе стороны от нее, и, пусть Стефани этого не знала, у обоих в головах мелькнула одна и та же мысль: *Красота в обрамлении старости*. Ничего фривольного эта мысль в себе не несла, потому что старики понимали: намерения у них самые чистые. Они уже уяснили, как хороша Стефани в работе, сколь велико ее стремление учиться, и жадность до знаний только разжигала желание *учить*.

— Итак, — начал Винс после того, как все устроились, — подумай об этих нераскрытых тайнах, упомянутых нами за ланчем с Хэнретти: «Лиза Кабо», Береговые огни, Бродячие мормоны, Отравление в церкви Тэшмора, — и скажи мне, что их все объединяет.

— Они все остались нераскрытыми.

— А если подумать, дорогуша? — спросил Дейв. — Ты меня огорчаешь.

Она глянула на него и увидела, что он не шутит. Что ж, все довольно-таки очевидно, если принять во внимание, почему Хэнретти вообще пригласил их на ланч: «Глоуб» намеревалась напечатать цикл из восьми статей (может, и десяти, по словам Хэнретти, если ему удастся собрать достаточно подходящих историй) в период между сентябрем и Хэллоуином.

— Они все заезжены?

— Это лучше, — кивнул Винс, — но ничего новенького ты нам пока не сообщила. Спроси себя, юная моя: *почему* их так заездили? Почему какая-нибудь газета Новой Англии как минимум раз в год вытаскивает на свет Божий историю о Береговых огнях вместе с размытыми фотоснимками полувековой давности? Почему какой-нибудь местный журнал, вроде «Янки» или «Коуста», раз в год обязательно берет интервью или у Клейтона Риггса, или у Эллы Фергюсон, словно они могут вдруг подпрыгнуть, как сатана в шелковых бриджах, и сказать что-то такое, чего не говорили раньше?

— Я не знаю, кто эти люди, — ответила Стефани.

Винс хлопнул себя по лбу.

— Ага, и правда старый я пень. Забываю, что ты не местная.

— Я должна воспринимать это как комплимент?

— Можешь. Возможно, *должна*. Клейтон Риггс и Элла Фергюсон — те двое, кто не умер, выпив ледяного кофе в тот день на берегу озера Тэшмор. Фергюсон оклемалась полностью, а Риггсу парализовало левую половину тела.

— Это ужасно. И у них продолжают брать интервью?

— Ага. Прошло пятнадцать лет, и я думаю, что любой недоумок знает, что никого уже не арестуют за это преступление — восемь отравленных, шесть трупов, — но Фергюсон и Риггс по-прежнему у прессы в чести, хотя и выглядят все хуже и хуже: «Что случилось в тот день», или «Кошмар озерного берега», или... идею ты понимаешь. Это просто еще одна история, которую хотят слышать люди. Вроде «Красной Шапочки» или «Трех поросят». Вопрос... *почему*?

Но тут Стефани забежала вперед.

— У вас что-то есть за душой, верно? История, которую вы ему не рассказали? Что это за история?

Вновь сработала телепатия, но на этот раз прочитать мысль, проскочившую между ними, у Стефани не получилось. Все трое сидели на одинаковых садовых стульях, Стефани — положив руки на

подлокотники. Дейв наклонился к ней и похлопал по руке.

— Тебе мы можем рассказать... Так, Винс?

— Ага, почему не рассказать? — согласился Винс, и снова на солнце стали видны все эти морщинки.

— Но если ты хочешь прокатиться на пароме, тебе придется принести чай рулевому. Слышала эту песню?*

— Скорее да, чем нет. — Стефани подумала о старых пластинках матери, хранившихся на чердаке.

— Хорошо, — кивнул Дейв. — Тогда отвечай на вопрос. Хэнретти отмел эти истории, потому что они постоянно мелькали в прессе. Почему они там мелькали?

Она задумалась, и старики ей не мешали. Вновь наслаждались созерцанием того, как она ищет ответ.

— Что ж, — прервала затянувшуюся паузу Стефани, — полагаю, люди любят истории, от которых в зимний вечер по коже бегут мурашки, особенно когда в доме горит свет, а от пылающего камина расходуется приятное тепло. Истории о — вы понимаете — неведомом.

* «Чай для рулевого» — песня из одноименного альбома (1970) американского исполнителя Кэта Стивенса (р. 1948 г.).

— И сколько неведомого на историю? — спросил Винс Тиг. Его голос звучал мягко, но взгляд так и впивался в нее.

Она уже открыла рот, чтобы сказать: «Не меньше шести порций», думая об отравлении на церковном пикнике, но не сказала. Да, шесть человек умерли на берегу озера Тэшмор, но убила их одна порция яда, и Стефани понимала, что яд в кофе всыпала только одна рука. Она не знала, сколько Береговых огней видели люди, но не сомневалась, что они все воспринимались как один феномен. Поэтому...

— Что-то одно? — предположила она, ощущая себя участником «Своей игры». — Что-то одно неведомое на историю?

Винс нацелил на нее палец, улыбаясь даже шире, чем всегда, и Стефани расслабилась. Конечно, это не настоящая школа, и старики любили бы ее ничуть не меньше, если бы она ошиблась, но ей хотелось порадовать их своим ответом, точно так же, как и своих лучших учителей в старших классах и колледже. Тех, кто работал с душой.

— И вот что еще, — добавил Дейв. — Люди в глубине души склонны верить, что объяснение случившемуся обязательно есть, и они даже представляют себе, что это за объяснение. Взять, к примеру, «Красотку Лизу», которую выбросило на скалы

острова Смэк к югу от бухты Дингла в двадцать шестом...

— В двадцать седьмом, — поправил его Винс.

— Хорошо, в двадцать седьмом, умник, и Теодор Рипоно по-прежнему на борту, но мертвый, как хек, а остальные пятеро исчезли и, хотя нет ни крови, ни следов борьбы, никто не сомневается: *должно быть*, они были пиратами, отсюда и история о карте с указанием тайника, следуя которой они нашли сокровища, но люди, охранявшие тайник, набросились на них, и пошло-поехало.

— Или они передрались между собой, — вставил Винс. — Это основная версия случившегося на «Красотке Лизе». Речь о том, что есть истории, которые одни любят рассказывать, а другие — слушать, но Хэнретти хватало ума, и он понимал, что его редактору не придется по вкусу когда-то приготовленное, а потом много раз подогретое жаркое.

— Может, еще лет через десять, — предположил Дейв.

— Потому что рано или поздно все старое становится новым. Можешь в это не верить, Стеффи, но так и есть.

— Но я *верю*, — ответила она, подумав: *«Чай для рулевого», это Аль Стюарт или Кэт Стивенс?*

— Или возьмем Береговые огни, — продолжил Винс. — Я точно могу сказать, почему они выбились в фавориты. Есть их фотография. Скорее все-

го, это отражения огней Эллсуорта от низких облаков, которые в силу каких-то особенностей выглядят как круги, очень напоминающие летающие тарелки, а под ними — «Хэнкокские лесорубы» в форме, команда Малой лиги, стоят, задрав головы.

— И маленький мальчик указывает на круги бейсбольной перчаткой, — подхватил Дейв. — Это последний штрих. Люди смотрят на этот снимок и говорят: «Должно быть, это пришельцы из космоса, спустившиеся вниз, чтобы поглазеть на Великое американское развлечение». Но все равно это одно неведомое, на этот раз с интересной фотографией, достойной того, чтобы поразмыслить над ней. Вот люди и возвращаются к этой истории снова и снова.

— Но не «Бостон глоуб», — вставил Винс, — хотя я чувствую, что эта тайна может войти в утвержденный редактором список.

Старики добродушно рассмеялись, как давние друзья.

— Короче, мы, возможно, знаем одну или две нераскрытые тайны...

— Я под этим не подпишусь, — покачал головой Дейв. — Одну мы точно знаем, дорогуша, но единственного объяснения — «должно быть» — у нее нет...

— Ну как же... стейк, — перебил его Винс, но с сомнением в голосе.

— Ага, но даже это загадка, правда? — спросил Дейв.

— Пожалуй, — согласился Винс, и теперь по его голосу чувствовалось, что ему как-то не по себе. Выглядел он соответственно.

— Вы меня совсем запутали, — призналась Стефани.

— Ага, история Парня из Колорадо запутанная, это точно, — кивнул Винс, — поэтому она не подойдет «Бостон глоуб», должен тебе сказать. Для начала, очень много неизвестных. И они никак не складываются друг с другом. — Он наклонился вперед, глядя на девушку своими чистыми синими глазами янки. — Ты хочешь работать в газете, так?

— Вы знаете, что хочу, — недоуменно ответила Стефани.

— Тогда я поделюсь с тобой секретом, который известен любому человеку, проработавшему в газете достаточно долго: в реальной жизни число завершенных историй — с началом, серединой и концом — ничтожно мало или вообще равно нулю. Но если ты подкинешь читателю хоть одно неизвестное (два — это максимум), а потом добавишь какую-то версию — Боуи их называет «должно быть», — читатель сам придумает себе историю. Удивительно, правда?

— Возьми, к примеру, эти отравления на церковном пикнике. Никто не знает, кто убил этих

людей. Зато всем известно, что за шесть месяцев до отравления у Роды Паркс, секретарши методистской церкви Тэшмора, и Уильяма Блейки, *пастора*, случился короткий роман. Блейки был женат и порвал отношения с секретаршей. Следишь за моей мыслью?

— Да, — кивнула Стефани.

— Известно также, что Рода Паркс переживала этот разрыв, во всяком случае, какое-то время. Так говорила ее сестра. Что известно еще? На пикнике Рода Паркс и Уильям Блейки выпили отравленный кофе и умерли. Так что у нас здесь в «должно быть»? Отвечай быстро, Стеффи, считай, что от этого зависит твоя жизнь.

— Рода отравила кофе, чтобы убить своего любовника за то, что он ее бросил, а потом выпила сама, покончив с собой. Остальные четверо — плюс те, кто выжил, — как это называется, сопутствующий ущерб?

Винс шелкнул пальцами.

— Ага, это история, которую люди рассказывают сами. Газеты и журналы никогда такого на своих страницах не печатали, потому что не было необходимости. Они знали, что люди сами сложат два и два. Но в чем минус этой версии? Так же быстро, Стеффи.

Но на этот раз Стефани лишилась бы жизни, если бы та зависела от быстроты ответа, потому

что в голову ничего не пришло. Она уже хотела оправдаться тем, что не знает всех подробностей, когда Дейв поднялся, прошел к ограждению террасы, посмотрел на Тиннок, и пояснил:

— Шесть месяцев — долгий срок, так?

— Но ведь кто-то сказал, что месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным?*

— Ага, — тон Дейва не менялся, — но если убиваешь шесть человек, это нечто большее, чем месть. Не утверждаю, что быть такого не может, но, возможно, мотив все-таки другой. Так и Береговые огни могут быть отражениями от облаков... или какими-то секретными экспериментами, которые проводились на авиабазе в Бангоре... или кто знает, может, зеленым человечкам непременно хотелось посмотреть, удастся ли мальчишкам в форме «Хэнкокских лесорубов» выбить двух игроков одним ударом в игре с другими мальчишками — в форме «Автомобилистов Тиннока».

— Обычно происходит следующее: люди придумывают историю и держатся за нее, — продолжил Винс. — Это достаточно легко, если есть только один неизвестный фактор: один отравитель, один набор таинственных огней, одна рыбацкая шхуна, дрейфующая практически без команды. Но в слу-

* Эту фразу приписывают французскому политику и дипломату Шарлю де Талейрану (1754—1838).

чае с Парнем из Колорадо — только неизвестные факторы, а потому нет истории. — Он помолчал. — Все равно что поезд, выезжающий из камина, или груды лошадиных голов, которые ты однажды утром обнаруживаешь на своей подъездной дорожке. Наш случай не столь масштабный, но странностей в нем не меньше. И такое... — Он покачал головой. — Стеффи, люди такого не любят. Более того, им такое не нужно. Приятно любоваться волной, разбивающейся о берег, но слишком много волн могут вызвать морскую болезнь.

Стефани посмотрела на сверкающую воду под террасой — много волн, не очень больших — и предпочла промолчать.

— Есть кое-что еще, — после паузы добавил Дейв.

— Что?

— Это *наша история*, — произнес он с жаром, чуть ли не со злостью. — Парень из «Глоуб», парень издалека... он ее только изгадит. Ему не понять.

— А вы понимаете? — спросила она.

— Нет, — ответил Дейв, вновь усаживаясь. — Но мне и не надо, дорогуша. В истории с Парнем из Колорадо я чем-то похож на Деву Марию, после того как она родила Иисуса. В Библии сказано, что она «сохраняла все слова сии, слагая в сердце

Своем».* Иногда с нераскрытыми тайнами это наилучший вариант.

— Но мне вы расскажете?

— Да, конечно же, мэм. — Он посмотрел на нее с удивлением и — отчасти — словно выйдя из легкой дремы. — Потому что ты — одна из нас. Так, Винс?

— Ага, — подтвердил тот. — Где-то в середине лета ты успешно сдала экзамен.

— Правда? — Она вновь почувствовала себя до абсурда счастливой. — Как? Какой экзамен?

Винс покачал головой:

— Не могу знать, дорогуша. Только в какой-то момент нам стало понятно, что ты — наша. — Он посмотрел на Дейва, который кивнул, потом снова перевел взгляд на Стефани. — Ладно. История, не рассказанная нами за ланчем. Наша местная нераскрытая тайна. История Парня из Колорадо.

* Лк. 2:19.

Глава 5

Но рассказывать начал Дейв.

— Двадцать пять лет тому назад, в восьмидесятом, на острове жили юноша и девушка, которые переправлялись на материк на пароме, отчаливавшем в половине седьмого утра, а не в половине восьмого. Они состояли в легкоатлетической команде Объединенной средней школы Бейвью и, как тогда говорили, дружили. Когда зима кончалась — на острове она короче материковой, — они бегом пересекали остров, следовали вдоль пляжа Хэммока к главной дороге, а потом по Бэй-стрит добирались до пристани. Ты это себе представляешь, Стеффи?

Она представляла. Видела романтику. Не поняла, правда, что «друзья» делали, сойдя с парома в Тинноке. Стефани знала, что с десяток старшеклассников Лосиного острова переправлялись на материк на пароме, отплывающем в половине восьмого, показывая контролеру — или Герби Госсли-

ну, или Марси Лагасс — свои проездные, которые те проверяли сканерами для считывания штрих-кодов. У пристани школьников дожидался автобус, на котором они ехали три мили до ОСШБ. Стефани спросила, дожидалась ли парочка автобуса, и Дейв, улыбаясь, покачал головой.

— Нет, они бежали дальше, — ответил он. — Не держась за руки, но всегда бок о бок, Джонни Грэвлин и Нэнси Арно. Пару лет они были неразлучны.

Стефани выпрямилась. Она знала, что Джон Грэвлин — мэр Лосинового острова, общительный мужчина, у которого для каждого находилось доброе слово и который метил на кресло сенатора штата в Огасте. Волос у него становилось все меньше, а живот — все больше. Она попыталась представить его бегущим — две мили по острову до пролива, три — по материку до школы — и не смогла.

— Получается не очень, дорогуша? — спросил Винс.

— Не очень, — признала Стефани.

— Все потому, что ты видишь Джонни Грэвли-на — футболиста, бегуна, любителя пошутить по пятницам и пылко влюбленного по субботам — мэром Джоном Грэвлином, который всего лишь одинокая политическая жаба в маленьком островном пруду. Он ходит взад-вперед по Бэй-стрит, пожимает руки и улыбается, сверкая золотым зубом

в уголке рта, находит доброе слово для каждого, не забывает ни одного имени и помнит, кто из мужчин ездит на «форде»-пикапе, а кто все еще сидит за рулем старого отцовского «интернейшнл-харвестера». Он — карикатурный политик из какого-нибудь фильма сороковых годов прошлого века о жизни маленького городка и настолько провинциален, что даже этого не понимает. Впереди у него только один прыжок — прыг, жаба, прыг, — и как только он прыгнет на кувшинку в большем по размерам пруду Огасты, ему или достанет ума и он остановится, или попытается прыгнуть еще раз и тогда его раздавят.

— Это так цинично, — отозвалась Стефани, не без восхищения.

Винс пожал костлявыми плечами:

— Послушай, я — тоже стереотип, дорогуша, только мой фильм — о газетчике с резинками, поддерживающими рукава рубашки, и козырьком на лбу, который в последней части кричит: «Остановите печатную машину!» Речь о том, что в те дни Джонни был совсем другим: стройным, как перьевая ручка, и быстрым, как молния. Ты бы назвала его молодым богом, если бы не торчащие зубы, но с тех пор он это поправил.

И она... в этих коротеньких красных шортиках... вот уж кто выглядел богиней. — Он помолчал. — Как и многие семнадцатилетние.

— Давай без канавных мыслей, — предложил Дейв.

На лице Винса отразилось удивление.

— Какая канава? Ни в коем разе. Мысли мои в облаках.

— Не буду спорить, раз ты так говоришь, и должен признать, взгляды она приковывала, это точно. А еще на дюйм или два возвышалась над Джонни. Возможно, из-за этого они и разбежались весной их выпускного года. Но в восьмидесятом не расставались и каждый день бежали к парому по острову, а высадившись в Тинноке — к школе. Люди делали ставки на то, что Нэнси залетит от него, но этого не случилось. То ли он показал себя крайне галантным, то ли она — сверхосторожной. — Дейв помолчал. — Черт, а может, они знали чуть больше, чем большинство островной молодежи.

— Я думаю, это как-то связано с бегом, — глубокомысленно изрек Винс.

— Пожалуйста, ближе к делу, вы оба, — осадил их Стефани, и старики рассмеялись.

— К делу, — кивнул Дейв. — Одним весенним утром, если точнее — в апреле тысяча девятьсот восьмидесятого года, они заметили человека, который сидел на пляже Хэммока. Ты знаешь, на окраине городка.

Стефани знала. Прекрасный пляж, только забытый «летними людьми». Она не представляла, как

он выглядит после Дня труда, но шанс увидеть у нее был: стажировка заканчивалась пятого октября.

— Точнее, не совсем *сидел*, — поправился Дейв. — Полулежал, как они потом оба сказали. Привалился спиной к одному из мусорных баков, дно которых закапывали в песок, чтобы сильный ветер их не перевернул, но все мужчины заставил бак наклониться... — Дейв поднял руку вертикально, а потом чуть отклонил.

— И в результате бак напоминал Пизанскую башню, — уточнила Стефани.

— Ты все поняла правильно. Кроме того, одежда мужчины — серые брюки, белая рубашка, мокасины, ни пиджака, ни пальто, ни перчаток — не соответствовала раннему утру, когда температура воздуха составляла сорок два градуса, а из-за холодного ветра с воды по ощущениям не превышала тридцати двух*.

— Юные бегуны не стали обсуждать увиденное, просто подбежали, чтобы посмотреть, в порядке ли мужчина, и сразу поняли, что нет. Джонни, согласно его показаниям, понял, что мужчина мертв, как только взглянул на его лицо, и Нэнси сказала то же самое, но, разумеется, они не хотели сразу этого признавать. А ты бы захотела? Не убедившись, что это так?

* 5,6 и 0 °C, соответственно.

— Нет, — согласилась Стефани.

— Он просто сидел (или полулежал), левая рука на коленях, а правая — на песке. На его пепельно-бледном лице выделялись маленькие лиловые пятна на щеках. Нэнси отметила синеватый оттенок закрытых век. И губы посинели, сказала она, а еще обратила внимание на распухшую шею. Волосы песочного цвета были короткими, но не настолько, чтобы не падать на лоб, с которого их откидывал ветер, когда дул, а в то утро дул он постоянно.

— Нэнси говорит: «Мистер, вы спите? Если вы спите, вам лучше проснуться».

— Джонни Грэвлин говорит: «Он не спит, Нэнси, и он не без сознания. Он не дышит».

— Позднее она говорила, что знала это, видела, но не хотела верить. Конечно, не хотела, бедняжка. И она говорит: «Может, все-таки дышит. Может, спит. Не всегда удастся определить, дышит человек или нет. Тряхни его, Джонни, посмотри, вдруг проснется».

— Джонни не хотел прикасаться к нему, но и не хотел сдрейфить на глазах у подруги, поэтому протянул руку — для этого ему пришлось собрать волю в кулак, о чем он рассказал мне многие годы спустя, в «Бурунах», после того как мы пропустили по паре стаканчиков, — и потряс парня за плечо. Он сказал, что сразу понял, к чему прикоснулся: под рубашкой находилось не живое человеческое

плечо, а словно вырубленное из дерева. Но он все равно потряс парня за плечо и сказал: «Проснись, мистер, проснись и... — Хотел добавить «встряхнись», но подумал, что в данной ситуации это прозвучит не очень* (даже тогда он мыслил как политик). — ...Вдохни аромат кофе»**

Он тряхнул мужчину дважды. В первый раз ничего не изменилось. Во второй голова мужчины завалилась на левое плечо — Джонни тряс его за правое, — а сам мужчина соскользнул с мусорного бака, который его поддерживал, и повалился на бок. Голова ткнулась песок. Нэнси вскрикнула и побежала обратно к дороге, как могла быстро... То есть, доложу я тебе, очень быстро. Если бы она там не остановилась, Джонни пришлось бы гнаться за ней до Бэй-стрит, а может — как знать — и до самой пристани. Но она остановилась, и он ее догнал, обнял за плечи и сказал, что никогда раньше так не радовался, ощущая под рукой живую плоть. Он говорил мне, что так и не забыл, что почувствовал, сжимая плечо мертвеца, которое под рубашкой казалось деревянным.

Дейв замолчал, поднялся.

* Целиком английская идиома выглядит как «wake up and die right», поэтому вторая часть, «умри правильно», звучит в данной ситуации не очень уместно.

** «Проснись и вдохни аромат кофе» — авторская аллюзия на песню и одноименный альбом ирландской группы «Крэнберрис».

— Я хочу холодной кока-колы. В горле пересохло, а история длинная. Кто-нибудь еще хочет?

Как выяснилось, хотели все, а поскольку этой историей развлекали — если можно так выразиться — Стефани, она и пошла за газировкой. Когда вернулась, оба старика стояли у поручня и смотрели на пролив и на материк по ту его сторону. Она присоединилась к ним, поставив старый жестяной поднос на широкие перила и раздав стаканы с колой.

— Так на чем я остановился? — спросил Дейв после долгого глотка.

— Ты прекрасно помнишь на чем, — ответил Винс. — На той части истории, где будущий мэр и Нэнси Арно, которая сейчас бог знает где — вероятно, в Калифорнии, потому что все хорошие люди всегда оказываются на максимальном расстоянии от острова, какое только могут преодолеть без паспорта, — нашли Парня из Колорадо мертвым на пляже Хэммока.

— Ага. Так вот, Джон хотел сразу бежать к ближайшему телефону-автомату, который находился напротив публичной библиотеки, и позвонить Джорджу Уорносу, в те дни единственному констеблю на Лосином острове. Он уже давно умер, дорогуша. Сердце. Нэнси не возражала, но хотела, чтобы сначала Джонни вернул «человека» в исход-

ное положение. Так она его называла: «человек». Не «мертвец», не «труп», всегда — «человек».

— Джонни говорит: «Я не думаю, что полиции понравится, если я его передвину, Нэн».

— Нэнси отвечает: «Ты уже его передвинул. Я хочу, чтобы он сидел, как прежде».

— Но он напоминает: «Я это сделал только потому, что ты велела мне его потрясти».

— На что она просит: «Пожалуйста, Джонни. Я не могу смотреть на него, когда он так лежит, и не хочу, чтобы он так лежал». Тут она начинает плакать, и это, конечно, решает дело, потому что Джонни возвращается туда, где лежит тело, по-прежнему согнутое в поясе и уткнувшееся левой щекой в песок.

— Джонни сказал мне в «Бурунах», что он никогда бы не смог выполнить ее просьбу, если бы она не наблюдала за ним и не надеялась, что он это сделает, и знаетс, я ему верю. Для женщины мужчина может сделать много такого, чего в одиночестве делать бы не стал, от чего отступился бы в девяти случаях из десяти, даже когда пьяный и рядом друзья. По словам Джонни, чем ближе он подходил к мужчине — тот лежал на песке, согнув колени, будто сидел на невидимом стуле, — тем больше крепла его уверенность, что закрытые глаза раскроются, мужчина попытается его схватить. Разумеется, Джонни знал, что перед ним мертвец,

но от этого предчувствие беды только усиливалось. И однако, подойдя к мужчине, он собрался с духом, схватился за деревянные плечи и вновь посадил покойника спиной к мусорному баку. Джонни думал, что бак не выдержит тяжести и упадет на песок, и вот тогда он бы точно закричал. Но бак не шевельнулся, и Джонни не закричал. В глубине души, Стеффи, я убежден, что мы, бедные смертные, так устроены, что всегда ждем самого худшего, а оно случается крайне редко. Обычно происходит просто плохое — почти хорошее, если на то пошло, в сравнении с самым худшим, — и уж с этим мы вполне справляемся.

— Вы правда так думаете?

— Да, мэм! В любом случае, уже двинувшись в обратный путь, Джонни увидел пачку сигарет, выпавшую на песок. И поскольку самое худшее осталось в прошлом и оказалось просто плохим, он поднял сигареты — подумав, что об этом надо сказать Джорджу Уорносу, на случай если полиция штата найдет на целлофане его отпечатки пальцев, — и положил в нагрудный карман белой рубашки мертвеца. Потом поспешил к Нэнси, которая приплясывала на месте, обхватив себя руками, одетая в тренировочную куртку с надписью «ОСШБ» на спине и в коротенькие шорты, и дрожала она, как ты понимаешь, не только от холода.

— Но, думаю, она быстро согрелась, потому что они побежали к публичной библиотеке, и я готов спорить, если бы кто засек время, то зафиксировал бы рекорд в беге на полмили или близко к тому. У Нэнси хватало четвертаков в кошельке, который она носила в кармане куртки, и именно она позвонила Джорджу Уорносу. Тот как раз одевался, чтобы пойти на работу: ему принадлежал магазин «Вестерн авто», в помещении которого дамы из церковного комитета теперь устраивают благотворительные базары.

Стефани, которая рассказывала о нескольких в колонке «ИСКУССТВО», кивнула.

— Джордж спросил ее, уверена ли она, что мужчина мертв, и Нэнси ответила «да». Тогда он попросил передать трубку Джонни и задал ему тот же вопрос. Джонни также ответил «да». Он сказал, что тряхнул мужчину, и тот был твердый, как дерево. Он рассказал Джорджу, как мужчина упал, как сигареты вывалились из его кармана, как он вернул их на место, опасаясь, что Джордж устроит ему за это выволочку, но Джордж не устроил. *Никто* не устроил. Не похоже на детективные сериалы. Правда?

— Не похоже, — согласилась Стефани, думая, что эта история напоминает ей одну из серий «Она написала убийство». Только вспоминая разговор, предшествовавший рассказу, она сомневалась, что

появится Анджела Лэнсбери и раскроет эту тайну... *Хотя кто-то все-таки добился хоть какого-то прогресса*, подумала Стефани. *Узнал, откуда взялся на пляже этот мертвец.*

— Джордж сказал Джонни, чтобы они с Нэнси возвращались на пляж и ждали его, — вновь заговорил Дейв. — Сказал им, чтобы они никого не подпускали к телу. Джонни пообещал. Джордж сказал: «Если вы не успеете на паром в половине восьмого, Джон, я напишу тебе и твоей подружке объяснительную записку». Джонни ответил, что это его волнует меньше всего. Потом они с Нэнси вернулись на пляж Хэммока, только обратно бежали трусцой, а не со всех ног.

Стефани понимала почему. От пляжа Хэммока до окраины Музи-Виллидж дорога шла под гору. Обратного бежать было тяжелее, тем более когда адреналина в крови практически не осталось.

— Джордж Уорнос тем временем позвонил доку Робинсону, который жил на Бич-лейн. — Дейв помолчал, улыбаясь воспоминаниям. А может, чтобы усилить эффект. — Потом позвонил мне.

Глава 6

— На единственном общественном пляже острова обнаруживается жертва убийства, и местный слуга закона звонит редактору местной газеты? — спросила Стефани. — Да, это тебе не «Она написала убийство».

— Жизнь на побережье Мэна в крайне редких случаях похожа на ту, что показывают в «Она написала убийство», — очень сухо ответил Дейв. — И в те времена мы ничем не отличались от нас нынешних, особенно когда «летние люди» отбывали, и оставались только мы, в своем курятнике. Ничего романтического в этом нет, просто... Даже не знаю, назови это политикой полной открытости. Если всем все известно, незачем понапрасну чесать языком. И «убийство»! «Слуга закона»! Ты опережаешь события, ага?

— Прости ее за это, — предложил Винс. — Мы сами подбросили ей эту идею, говоря об отравле-

нии в Тэшморе. Стеффи, Крис Робинсон принимал двух моих детей. Моя вторая жена, Арлетт, на которой я женился через шесть лет после смерти Джоанны, дружила с семьей Робинсонов, даже встречалась с братом Криса, Генри, когда они учились в школе. На острове отношения скорее соседские, чем деловые. — Он поставил стакан с кока-колой (которую называл «опиумом») на поручень и вскинул руки с растопыренными пальцами; этот жест — *я-ничего-не-скрываю* — казался Стефани очаровательным и обезоруживающим. — Мы напоминаем членов одного клуба. Так всегда было и, думаю, всегда будет, потому что в нашем образе жизни ничего не меняется.

— Слава богу, — пробурчал Дейв. — Никакого тебе долбаного «Уолмарта». Извини, Стеффи.

Она улыбнулась и сказала, что он прощен.

— В любом случае, — добавил Винс, — я хочу, чтобы ты рассталась с идеей убийства и больше к ней не возвращалась. Сможешь это сделать?

— Да, — кивнула она.

— Я думаю, в конце концов ты решишь, что ее нельзя ни полностью исключить, ни взять за основу. Это касается многих моментов в истории с Парнем из Колорадо. Вот почему она не подходит для «Бостон глоуб», не говоря уже о «Янки», «Даун-ист» и «Коуст». Она не подходит даже «Островному еже-

недельнику», если уж на то пошло. Заметку о страшной находке на пляже Хэммока мы, конечно, дали, потому что мы — газета и наша работа — сообщать о случившемся. Мне надо написать об Эллен Данвуди и пожарном гидранте, не говоря уже о маленьком сыне Лестеров, который отправляется в Бостон для пересадки почки, если, конечно, доживет, и, разумеется, тебе надо будет сообщить нашим читателям о Ежегодном празднике окончания лета на ферме Жернера с танцами и катанием на возу сена, правильно?

— Не забудем про пикник, — пробормотала Стефани. — Пирогов будет сколько влезет, и люди захотят об этом знать.

Старики рассмеялись. Дейв даже похлопал по груди руками, показывая, что «шутка удалась», как обычно говорили на острове.

— Ага, дорогуша, — согласился Винс, все еще улыбаясь. — Но иногда случается необычное, скажем, двое старшеклассников на утренней пробежке находят мертвеца на самом красивом пляже острова, и ты говоришь себе: «Это, похоже, история». Не просто заметка — что, почему, когда, где и как, — но *история*, а потом ты обнаруживаешь, что никакой истории *нет*. Только куча несвязанных фактов, обрамляющих *настоящую* нераскрытую тайну. А этого, дорогуша, людям не нужно. Их от

такого мутит. Слишком много волн. У них начинается морская болезнь.

— Аминь, — кивнул Дейв. — А теперь почему бы тебе не рассказать все остальное, пока у нас есть шанс погреться на солнышке?

И Винс Тиг рассказал.

Глава 7

— Мы находились там почти с самого начала — под «мы» я подразумеваю Дейва и себя, то есть «Островной еженедельник», — хотя я не напечатал того, что Джордж Уорнос попросил не предавать огласке. Не видел в этом проблемы, поскольку эта история никаким боком не касалась благополучия острова. Подобные решения газетчикам приходится принимать постоянно, Стеффи — ты начнешь принимать их сама, — и со временем к этому привыкаешь. Надо только следить за тем, чтобы решения эти никогда не устраивали тебя полностью.

Молодые люди вернулись на пляж и охраняли тело, хотя этого особо и не требовалось, до прибытия Джорджа и дока Робинсона. За это время по дороге проехали четыре автомобиля, все в город, и никто не сбавил скорость, увидев юношу и девушку, которые бегали трусцой и делали зарядку на маленькой автомобильной стоянке у пляжа Хэм-мока.

— Как только Джордж и док прибыли на стоянку, они отправили Джонни и Нэнси в школу, и на этом сладкая парочка покидает нашу историю. С одной стороны, их разбирало любопытство, таковы уж люди, но с другой — они радовались, что их отпустили, я в этом не сомневаюсь. Джордж припарковал «форд», док взял саквояж, и они направились к тому месту, где мертвец сидел, привалившись спиной к мусорному баку. Он чуть наклонился в сторону, поэтому док первым делом усадил его ровно.

— «Он мертв, док?» — спросил Джордж.

— «Будь уверен. Он мертв как минимум четыре часа, а может, шесть или больше», — говорит док. (Именно в тот момент я свернул на автомобильную стоянку и припарковал мой «шеви» рядом с «фордом» Джорджа.) — Он твердый, как доска. Трупное окоченение».

— «Так ты думаешь, он здесь с... с полуночи?» — спрашивает Джордж.

— «Откуда мне знать? Может, он здесь со Дня труда, — отвечает док, — но абсолютно я уверен только в одном: он мертв с двух часов утра. Определяю по трупному окоченению. Возможно, он мертв с полуночи, но это может сказать только эксперт. Если сильный ветер дул с берега, возможно, это как-то повлияло на начало окоченения...»

— «Ночью ветра не было, — присоединился я к ним. — Прошла спокойно, как под церковным колоколом».

— «Смотрите, кто пришел, — фыркнул док Робинсон. — Еще один чертов деревенский всезнайка. Может, ты и скажешь нам, когда наступила смерть, Джимми Ольсен?»

— «Нет, — говорю я, — я оставляю это вам».

— «А я, думаю, оставлю это медицинскому эксперту округа, Кэткарту из Тиннока. Штат дополнительно платит ему одиннадцать штук в год за квалифицированное копание во внутренностях. По моему скромному мнению, этого недостаточно, но тут каждый решает сам. Я всего лишь семейный врач. Но... Ага, этот парень был мертв в два часа утра. За это я ручаюсь. Мертв к тому времени, когда зашла луна».

— Потом, наверное, с минуту мы стояли, глядя на него в скорбном молчании. Минута — очень короткий промежуток времени при некоторых обстоятельствах, но в такой ситуации она может тянуться очень долго. Я помню звук ветра, дувшего с востока, еще слабого, но набиравшего силу. Когда он дует оттуда, а ты стоишь с материковой стороны, звук этот навевает тоску...

* Джимми Ольсен — журналист-фотограф, персонаж комиксов о Супермене.

— Я знаю, — тихо ответила Стефани. — Слово уханье совы.

Старики кивнули. Зимой звук менялся, иногда становился ужасным, напоминая стенания горюющей женщины, но Стефани этого не знала, а они не собирались ей говорить.

— Наконец — я думаю, только для того, чтобы что-то сказать, Джордж спросил дока, сколько, по его мнению, лет этому парню.

— «Я бы дал ему примерно сорок, плюс-минус пять лет, — отвечает док. — А ты как думаешь, Винсент?» — Я кивнул. Выглядел парень на сорок, и мне пришло в голову, что это очень плохо для человека — умереть в сорок лет, просто ужасно. Для мужчины это возраст недосказанности.

— И тут док увидел нечто, заинтересовавшее его. Опустился на одно колено (нелегкий труд для мужчины его габаритов, поскольку всил он двести восемьдесят фунтов при росте порядка пяти футов десяти дюймов) и поднял правую руку мертвеца, ту, что лежала на песке. Пальцы чуть скрючились, словно он пытался сложить их в трубку, чтобы через нее посмотреть вдаль. Когда док поднял руку, мы увидели, что песок прилип и к внутренним поверхностям пальцев и местами к ладони.

— «Что ты увидел? — спрашивает Джордж. — По-моему, обычный пляжный песок».

— «Это правильно, но почему он прилип? — задает док встречный вопрос. — Этот мусорный бак, как и прочие, стоит далеко от линии прилива, и любому недоумку понятно, что дождя прошлой ночью не было. Песок сухой. И посмотрите сюда».

— Он поднял левую руку мертвеца. Мы заметили обручальное кольцо, но ни к ладони, ни к пальцам песок не прилип. Док опустил левую руку и вновь поднял правую. Немного наклонил, чтобы солнце лучше осветило ладонь. «Ну, что вы видите?» — спрашивает он.

— «Что это? — говорю я. — Жир? Рука измазана в жире?»

— Он улыбнулся и сказал: «Думаю, ты выиграл плюшевого мишку. И видите, как она скрючена?»

— «Да, будто он изображал подозрную трубу», — говорит Джордж. К тому времени мы все стояли на коленях, словно мусорный бак превратился в алтарь, а мы молитвой пытались вернуть мертвеца к жизни.

— «Нет, я не думаю, что он изображал подозрную трубу, — говорит док, и я вдруг осознал, Стеффи, что он очень взволнован, как волнуются люди, когда приходят к какому-то выводу, к которому в обычной жизни *не должны* приходить. Он посмотрел на лицо мертвеца (во всяком случае, мне представлялось, что док смотрел на лицо, а на самом деле его интересовало то, что располагалось ниже),

потом перевел взгляд на согнутые в трубку пальцы. — Я совсем так не думаю».

— «Тогда что? — спрашивает Джордж. — Я хочу сообщить об этом в полицию штата и управление генерального прокурора, Крис. У меня нет желания провести все утро на коленях, пока ты играешь в Эллери Куина».

— «Видите, как большой палец практически касается указательного и среднего? — спрашивает нас док, и, разумеется, мы видим. — Если этот парень умер, глядя сквозь сложенные трубочкой пальцы, его большой палец находился бы над другими, касаясь среднего и безымянного. Попробуйте сами, если мне не верите».

— Я попробовал, и будь я проклят, если он соврал.

— «Это не труба, — говорит док, вновь касаясь застывшей правой руки мертвеца указательным пальцем. — Это *клещи*. Добавьте жир и песок на ладони и внутренних поверхностях пальцев, и что мы получим?»

— Я знал, но поскольку закон представлял Джордж, позволил сказать ему. «Если он что-то ел, когда умер, — говорит Джордж, — тогда где эта чертова еда?»

— Док указал на шею мертвеца — даже Нэнси Арно заметила припухлость — и сказал: «Полагаю,

большая часть там. Он этой едой подавился. Дай мне мой саквояж, Винсент».

— Я протянул ему саквояж. Он начал шарить в нем и обнаружил, что может это делать только одной рукой, если хочет устоять на коленях: такому крупному мужчине требовалось упираться в землю хотя бы одной рукой, чтобы не потерять равновесия и не упасть. Поэтому он протягивает саквояж мне и говорит: «У меня там два отоскопа, Винсент. Это фонарики для обследования. Один рабочий и один запасной, который выглядит практически новым. Нам понадобятся оба».

— «Подождите, подождите, я в этом не уверен, — говорит Джордж. — Я думал, ты собираешься оставить все Кэткарту, с материка. Он — тот парень, которого штат нанял для этой работы».

— «Ответственность беру на себя, — ответил ему док Робинсон. — Сами знаете, кота сгубило любопытство, но его утоление воскресило этого говнюка. Ты вытащил меня сюда в холодное и сырое утро, не дав выпить чая и даже съесть тост, так что я намерен удовлетворить свое любопытство, насколько это возможно. Может, ничего и не получится. Но у меня есть предчувствие... Винсент, ты бери этот. Джордж, тебе даю новый, и не урони его на песок, прошу и заранее благодарю, потому что он стоит двести долларов. Теперь так, я не вставал на все четыре конечности и не изображал ло-

шадку с тех пор, как мне исполнилось семь лет, и если мне придется долго стоять в таком положении, я точно упаду на этого парня, поэтому не теряйте времени и быстро делайте то, что я вам скажу. Когда-нибудь видели, как в музее наводят пару прожекторов на маленькую картину, чтобы она выглядела яркой и красивой?»

— Джордж не видел, поэтому док Робинсон объяснил. Когда закончил (и убедился, что Джордж Уорнос все понял), издатель островной газеты стоял на коленях с одной стороны от сидящего трупа, а островной констебль — с другой, и каждый из нас держал в руке маленький отоскоп. Только вместо того чтобы освещать произведение искусства, мы собирались направить лучи в горло мертвеца, чтобы доктор увидел, что там такое.

— Пыхтя и кряхтя, он опустился на все четыре конечности — и это было бы смешно, да только обстоятельства не располагали к смеху, а еще я боялся, что дока прямо здесь и сейчас хватит удар, — протянул руку, сунул в рот мертвеца и нажал на нижнюю челюсть, которая опустилась, как на шарнирах. Впрочем, если подумать, так оно и было.

— «Давайте, — говорит он. — Фонарики ближе. Я не думаю, что он укусит, но если ошибусь, мне и придется расплачиваться за ошибку».

— Мы наклонились ближе и направили лучи в рот мертвеца. Там все было красным и черным, за исключением розового языка. Я слышу, как пыхтит и кряхтит док и говорит, не нам, а себе: «Еще немного». Он надавил на челюсть, опуская ее ниже. Потом сказал нам: «Поднимите их, светите прямо в горло». Мы и посветили. Лучи прошли над розовым языком мертвеца и сошлись на чем-то болтающемся в глубине рта, как это там называется...

— Небный язычок, — одновременно ответили Стефани и Дейв.

Винс кивнул:

— Ага, это. А за язычком я увидел что-то еще — или верх чего-то еще, — темно-серое. Мы освещали это две или три секунды, но доку Робинсону вполне хватило. Он вытащил пальцы изо рта мертвеца, нижняя губа чавкнула, словно лопнул пузырь жвачки, но челюсть осталась отвисшей. Док плюхнулся на задницу, тяжело дыша.

— «Вы, парни, должны меня поднять, — говорит он, отдышавшись. — Ноги затекли от колен вниз. Черт, какой же я дурак, раз позволил себе так растолстеть».

— «Я тебе помогу, если ты скажешь, что там, — говорит Джордж. — Ты что-нибудь увидел? Потому что я — нет. А ты, Винсент?»

— «Думаю, что да», — отвечаю я. По правде говоря, я чертовски хорошо — извини, Стефф, —

знал, что увидел, но не хотел показывать, что соображаю лучше Джорджа.

— «Ага, оно там, это точно, — говорит док. Дышит с трудом, но в голосе слышится удовлетворенность, как у человека, которому удалось почесать труднодоступное зудящее место. — Кэткарт его вытащит, и тогда мы узнаем, кусок ли это стейка, или свинины, или чего-то еще, но мне кажется, значения это не имеет. А имеет значение следующее: он пришел сюда с куском мяса в руке, сел, чтобы поесть, наблюдая за игрой лунного света на воде. Привалился спиной к этому мусорному баку. И подавился, как тот негритенок в детской считалке. Последним куском того, что он принес с собой? Возможно, но необязательно».

— «После его смерти чайка могла спикировать и утащить недоеденное прямо из руки, — говорит Джордж. — Так что остался только жир».

— «Правильно, — соглашается Док. — А теперь помогите встать, или мне ползти до автомобиля Джорджа и подтягиваться за ручку дверцы?»

Глава 8

— И что ты думаешь, Стеффи? — спросил Винс, промочив горло глотком колы. — Тайна раскрыта? Дело закрыто?

— Как бы не так! — воскликнула она, не обратив внимания на одобрительный смех стариков. Ее глаза сверкали. — Причина смерти, возможно, определена, но... Что это, кстати, было? У него в дыхательном горле? Или я забегаю вперед?

— Дорогуша, нельзя забежать вперед в истории, которой не существует, — ответил Винс, и его глаза тоже блеснули. — Задавай вопросы, забегай вперед, назад, со стороны. Я отвечу на все. И Дейв, как я понимаю, тоже.

Подтверждая, что так оно и есть, ответственный редактор «Островного еженедельника» добавил:

— Это был кусок говядины, может, стейка, и, вероятнее всего, лучшего качества: вырезка или филей. Мясо было слабо прожарено, и в свидетельстве о смерти написали: «Асфиксия, вызванная

перекрытием дыхательных путей» — хотя у человека, которого мы всегда называли Парень из Колорадо, случилась и массивная церебральная эмболия, другими словами, инсульт. Кэткарт решил, что перекрытие дыхательных путей привело к инсульту, но кто знает, может, все произошло с точностью до наоборот. Сама видишь, даже причина смерти довольно скользкая, если начинаешь копать глубже.

— Одна история в этом есть — маленькая история, — и я собираюсь рассказать ее тебе, — вновь заговорил Винс. — О молодом человеке, который в чем-то похож на тебя, Стефани, хотя мне хочется думать, что ты попала в лучшие руки, когда пришла пора навести окончательный лоск на твое образование: более сочувствующие. Ему было, думаю, двадцать три года. Как и ты, он приехал издалека, правда, с Юга, а не со Среднего Запада, и тоже стажировался после диплома, но в криминалистике.

— То есть он работал с доктором Кэткартом и что-то выяснил.

Винс улыбнулся:

— Логичная догадка, дорогуша, но ты ошиблась насчет того, с кем он работал. Его звали... как его звали, Дейв?

Дэвид Боуи отличался отменной памятью на имена и называл их с точностью не знавшей промаха Энни Оукли.

— Дивейн. Пол Дивейн.

— Точно, как только ты сказал, сразу вспомнил. Этого молодого человека, Дивейна, определили на трехмесячную последипломную стажировку к двум детективам из управления генерального прокурора штата. Только в его случае лучше сказать: *приговорили*. Они обошлись с ним очень плохо. — Глаза Винса потемнели. — Людей постарше, которые так относятся к молодежи, жаждущей учиться... Я думаю, их надо гнать с работы. Но слишком часто вместо розового квитка они получают повышение по службе. Меня никогда не удивляло, что Бог чуть наклонил мир перед тем, как закрутить. Многое из происходящего теперь отражает тот наклон.

— Этот молодой человек, Дивейн, провел четыре года в некоем учебном заведении, кажется, Университете Джорджтауна, желая обучиться науке, позволявшей отлавливать преступников, и надо же, судьба отправила его на стажировку к двум детективам, большим любителям пончиков, которые превратили его в мальчика на побегушках. То он возил документы из Огасты в Уотервилл, то отгонял зевак от места автомобильной аварии. Иногда

ему позволяли замерить размер следа или сфотографировать отпечаток протектора. Но редко, должен сказать, редко.

— В любом случае, Стеффи, эти два «достойных» представителя следственного мира — и я искренне надеюсь, что Божьей волей они давно уже не при делах, — оказались в Тиннок-Виллидж в то самое время, когда на пляже Хэммока обнаружили тело Парня из Колорадо. Они расследовали «подозрительный» пожар в многоквартирном доме, как мы пишем о таких случаях в газете, и привезли с собой своего ручного мальчика, который уже терял последние остатки идеализма.

— Если бы его приписали к двум хорошим детективам, работавшим в управлении генерального прокурора — а таких я повидал предостаточно, при всей этой чертовой бюрократии, которая создает массу проблем в правоохранительной системе штата, — или если бы кафедра криминалистики отправила его в другой штат, также принимающий выпускников на стажировку, он мог бы стать одним из тех, кого мы видим в «Месте преступления»...

— Мне нравится этот сериал, — вставил Дейв. — Гораздо более реалистичный, чем «Она написала убийство». Кто хочет кекс? В кладовой есть.

Как выяснилось, хотели все, и история зависла, пока Дейв не вернулся со сладким, прихватив за-

одно рулон бумажных полотенец. Когда каждый получил по кексу «Лабрис» и бумажному полотенцу, чтобы собирать крошки, Винс предложил Дейву продолжить.

— Чувствую, — объяснил он, — что уже проповедую и не останавлиюсь до темноты.

— Я думал, у тебя получается хорошо.

Винс хлопнул костлявой рукой по своей еще более костлявой груди.

— Позвони «девять-один-один», Стеффи, у меня только что остановилось сердце.

— Когда такое случится, будет не до смеха, старина, — заметил Дейв.

— Ты только посмотри, как у него летят крошки, — притворно возмутился Винс. — Как любила говорить моя мама, человек на одном конце жизни распускает нюни, а на другом — пускает слюни. Давай, Дейв, рассказывай, но сначала сделай нам одолжение и проглоти все, что во рту.

Дейв проглотил, а потом запил колой. Стефани надеялась, что ее пищеварительная система будет способна на такие подвиги в возрасте Дейва.

— Что ж, Джордж не стал огораживать пляж, потому что этим только привлек бы зевак, которые слетелись бы, как мухи на коровью лепешку, ты понимаешь, но эти двое тупиц из управления генерального прокурора именно так и поступили.

Когда я спросил одного, а на фига, он посмотрел на меня как на полного идиота. «Это же место преступления, так?» — услышал я от него.

— «Может, да, а может, нет, — говорю я, — но после того, как тело увезут, какие улики вы надеетесь собрать? Все уже унесло ветром». И точно, восточный ветер набрал силу. Но они настояли, и потом мне пришлось признать, что получилась отличная картинка для первой полосы, правда, Винс?

— Ага, картинка с лентой, огораживающей место преступления, всегда увеличивает тираж, — согласился Винс. От его кекса осталась только половина, но Стефани не разглядела ни одной крошки на бумажном полотенце.

— Дивейн находился там, — продолжил Дейв, — когда Кэткарт, медицинский эксперт, осматривал тело: руку с прилипшим песком, руку без песка, потом рот, но аккурат в тот момент, когда подъехал катафалк из похоронного бюро Тиннока, прибывший на остров с девятичасовым паромом, детективы осознали, что, возможно, Дивейн учится чему-то новому и полезному. Этого они допустить не могли, поэтому отправили его за кофе, пончиками и слойками для себя, Кэткарта, помощника Кэткарта и двух сотрудников похоронного бюро, которые только что подъехали на катафалке.

— Дивейн понятия не имел, куда идти, но я к тому времени уже находился по другую сторону ленты, которую натянули тупицы, и сам отвез его в «Булочную Дженни». На все ушло полчаса, может, чуть дольше, большую часть времени мы провели в дороге, и я получил достаточно ясное представление о том, как все складывается для молодого человека, хотя он не сказал о детективах ни одного дурного слова. Лишь пожалел, что на стажировке узнает гораздо меньше, чем надеялся, и выполняет это поручение, когда Кэткорт проводит осмотр тела на месте преступления. Но мне этого вполне хватило.

— К нашему возвращению осмотр уже закончился. Тело уложили в мешок, молнию застегнули. Но это не помешало одному из детективов — высокому здоровяку по фамилии О'Шенни — громким голосом отчитать Дивейна. «Чего так долго, на этом ветру уже зад отмерз», — и так далее, и так далее.

— Дивейн молчал, не жаловался, не оправдывался — должен отметить, кто-то хорошо его воспитал, — поэтому я выступил вперед и сказал, что мы съездили туда и обратно, как могли быстро. «Вы же не хотели, чтобы мы превысили разрешенную скорость?» Я думал, что шутка снимет напряжение, но куда там. Второй детектив — по фамилии Моррисон — фыркнул: «А тебя кто спрашивал?

Заступник нашелся. Разве тебе не нужно готовить репортаж о какой-нибудь дворовой распродаже или о чем-то таком?» Его напарник загоготал, а молодой человек, который вместо криминалистики изучал, что О'Шенни любит кофе с молоком, а Моррисон — черный, стоял в это время красный как вареный рак.

— Знаешь, Стеффи, человек не может дожить до моего тогдашнего возраста без того, чтобы ему ни разу не дали пинка дураки, наделенные толикой власти, но я очень переживал за Дивейна, который краснел еще и потому, что детективы так грубо обошлись со мной. Я видел, что он пытается найти способ извиниться, но, прежде чем он нашел (и прежде чем я сказал ему, что в этом нет необходимости, поскольку вина не его), О'Шенни взял у него поднос с кофе и передал Моррисону, а потом забрал у меня два пакета с выпечкой. После чего велел Дивейну нырнуть под ленту и взять пакет для улик, в котором лежали личные вещи покойного. «Подпиши опись, — наставлял он Дивейна, словно пятилетнего ребенка, — и следи, чтобы никто к этому пакету даже не прикасался, пока я не заберу его у тебя. И сам в пакет носа не суй. Ты понял?»

— «Да, сэр», — отвечает Дивейн и слабо мне улыбается. Я смотрю, как он берет у помощника

доктора Кэткарта пакет для улик, похожий на папку-гармошку, какими пользуются в различных учреждениях. Я вижу, как он вытаскивает опись из специального прозрачного кармана на лицевой стороне и... Ты знаешь, для чего нужна такая опись, Стеффи?

— Думаю, да, — кивнула она. — Если ведется расследование, и в ходе этого расследования обнаруживаются какие-то улики, штат посредством такой описи удостоверяет, что эти самые улики, никем не тронутые, попали в зал суда в качестве вещественных доказательств.

— Красиво излагаешь, — кивнул Винс. — Может, тебе податься в писатели?

— Очень смешно, — ответила Стефани.

— Ага, мэм, это наш Винсент, местный Оскар Уайльд, — усмехнулся Дейв. — По крайней мере, когда он не Оскар Ворчун. Так или иначе, юный мистер Дивейн подписал опись, и я увидел, как он сунул ее в соответствующий карман на лицевой стороне пакета для улик. Потом он повернулся, чтобы посмотреть, как два крепких сотрудника похоронного бюро загружают тело в катафалк. Винс уже уехал, чтобы начать готовить материалы в номер, и я последовал за ним, говоря людям, которые задавали мне вопросы — их собралось немало, сбегались к желтой ленте, как муравьи на рассыпанный сахар, — что уже завтра они смогут прочитать

все за четвертак. Именно столько стоил тогда экземпляр «Еженедельника».

— В любом случае больше я Пола Дивейна не видел. Когда уезжал, он все стоял, наблюдая, как мешок с покойником загружают в катафалк. Но я точно знаю, что Дивейн нарушил приказ О'Шенни не заглядывать в пакет для улики, поскольку шестнадцать месяцев спустя он позвонил мне в редакцию «Еженедельника». К тому времени желание стать криминалистом сошло у него на нет, и он вновь пошел учиться, на этот раз на юриста. Хорошо это или плохо, сказать не могу, но причина такой перемены, конечно же, О'Шенни и Моррисон, детективы управления генерального прокурора. Тем не менее именно Пол Дивейн превратил Джона Доу с пляжа Хэммока в Парня из Колорадо, благодаря чему со временем полиция сумела установить личность покойного.

— А мы заполучили сенсационную новость, — вставил Винс. — В значительной мере потому, что Дейв Боуи отвез молодого человека в пекарню и дал ему то, что не покупается за деньги: внимательно выслушал и проявил сочувствие.

— Это, наверное, преувеличение. — Дейв заерзал на стуле. — Я провел с ним не больше тридцати минут. Может, три четверти часа, если добавить время, которое мы стояли в очереди.

— Порой этого достаточно, — заметила Стефани.

— Ага, порой достаточно, — кивнул Дейв, — и что в этом плохого? Сколько времени требуется человеку, чтобы подавиться куском мяса и умереть?

Ответа на это ни у кого не нашлось. В проливе яхта какого-то богатого «летнего человека» напыщенно загудела, приближаясь к гавани Тиннок-Виллидж.

Глава 9

— Давай на какое-то время отвлечемся от Пола Дивейна, — предложил Винс. — На все, чего ты о нем еще не знаешь, у Дейва уйдет несколько минут. Думаю, сначала я должен рассказать тебе о копании в кишках.

— Ага, — кивнул Дейв. — Это не история, Стеффи, но эта часть очень близка к тому, чтобы так ее назвать.

— Только не думай, — вставил Винс, — что Кэткарт сразу провел вскрытие, потому что это не так. При пожаре в многоквартирном доме, который, собственно, и привел в наше захолустье О'Шенни и Моррисона, погибли два человека, и начал Кэткарт с этих покойников. Не потому, что они умерли первыми, а потому, что они могли быть жертвами убийства, тогда как смерть Джона Доу выглядела несчастным случаем. К тому времени когда Кэткарт взялся за Джона Доу, детективы давно уже отбыли в Огасту, и скатертью им дорога.

— Я присутствовал при вскрытии, когда к нему приступили, потому что в те дни и в этих краях являлся почти что профессиональным фотографом, а полиции хотелось получить «фото спящего». Это европейский термин, и он означает портрет, достаточно презентабельный для публикации в газетах. То есть труп должен максимально напоминать человека, который просто спит.

Стефани смотрела на них с интересом и ужасом.

— И получается?

— Нет, — ответил Винс, но добавил: — Разве что ребенок поверит. Или если взглянуть быстро, закрыв один глаз. В данном случае снимок следовало сделать до вскрытия, потому что Кэткорт полагал, что ему, учитывая посторонний предмет в горле, придется очень сильно оттягивать нижнюю челюсть.

— Но вы бы не подумали, что он спит, даже если бы подбородок притянули к макушке ремнем, чтобы не дать рту открыться? — Стефани не смогла сдержать улыбку. Ужасно, но это казалось забавным; какое-то отвратительное существо в ее разуме подсовывало ей один карикатурный образ за другим.

— Нет, конечно же, нет, — согласился Винс и тоже улыбнулся. Как и Дейв. Если она и ненормальная, то не одна такая. Слава богу. — Если на

то пошло, думаю, он напоминал труп с зубной болью.

Тут они все рассмеялись. Стефани в очередной раз сказала себе, что любит этих стариков, любит всем сердцем.

— Над смертью тоже надо смеяться. — Винс взял с перил стакан колы. Глотнул, поставил стакан обратно. — Особенно в моем возрасте. Я чувствую запах этой паскуды за каждой дверью, ощущаю ее дыхание на подушке, которой раньше пользовались мои жены — да благословит Господь их обеих, — когда выключаю свет. Над смертью тоже надо смеяться.

— В любом случае, Стеффи, я сфотографировал лицо — сделал «фото спящего», — и фотографии получились такими, как мы и ожидали. На лучшей он выглядел спящим после жуткой попойки или, возможно, коматозником. Ее мы неделей позже и опубликовали. Эту фотографию также опубликовали в бангорской «Дейли ньюс» и в газетах Элсуорта и Портленда. Никакой пользы, это, конечно, не принесло, во всяком случае, не помогло найти людей, которые знали покойного, и со временем мы выяснили, что на то была веская причина.

— Тем временем Кэткорт занялся своим делом, а поскольку двое тупиц из Огасты вернулись в то самое место, откуда прибыли, он не возражал про-

тив моего присутствия. При условии, что я ничего не напечатаю в газете без его одобрения. Разумеется, я согласился и, само собой, не напечатал.

— Начав с головы, Кэткарт первым делом вытащил кусок мяса, который док Робинсон ранее обнаружил в горле этого парня.

— «Вот тебе и причина смерти, Винс», — сказал мне Кэткарт, и церебральная эмболия (до которой он докопался гораздо позже, после того как я уехал, чтобы успеть на паром к Лосиному острову) не изменила его мнения. По словам Кэткарта, оказался рядом человек, который воспользовался бы приемом Геймлиха — или сумеи покойник провести его сам, — не лежал бы он сейчас на стальном столе с канавками по краям.

— «Далее, содержимое желудка, позиция один, и под этим я подразумеваю то, что находится наверху, полуночный перекус. Эта пища еще не начала перевариваться, когда наш человек умер, и все процессы остановились. Просто стейк. Возможно, шесть или семь кусков, хорошо пережеванных». Кэткарт полагал, что съедено порядка четырех унций.

— «Наконец, содержимое желудка, позиция два, и мы говорим об ужине. Эта часть пищи в значительной степени переварилась...» Я не хочу вдаваться в подробности, но смысл в том, что доктор

Кэткарт все равно смог определить, что поужинал покойный рыбой с салатом и картофелем фри, за шесть-семь часов до смерти.

— «Я не Шерлок Холмс, док, — говорю я, — но уверен, что могу предложить более точную догадку».

— «Правда?» — в его голосе слышится скепсис.

— «Ага, — киваю я. — Думаю, он поужинал в «Керлис» или «Дженс», что на набережной, или в «Янкос», что на Лосином острове».

— «Почему именно там, если в радиусе двадцати миль пять десятков ресторанов подают на ужин рыбу даже в апреле? — спрашивает он. — Почему не в «Серой чайке», если на то пошло?»

— «Потому что «Серая чайка» не опускается до того, чтобы подавать рыбу с картофелем фри, — говорю я, — а покойник ел именно это».

— Знаешь, Стеффи, до этого момента я держался, но тут меня начало мутить. «В тех трех заведениях, которые я упомянул, продают рыбу и картофель фри, — говорю я, — и я уловил запах уксуса, как только ты вскрыл его желудок». Тут пришлось рвануть в маленький туалет, где меня вырвало.

— Но я оказался прав. Тем же вечером я проявил «фото спящего» и на следующий день показал в едальнях, где предлагали рыбу и картофель фри. В «Янкос» никто его не видел, но девушка в «Дженс», которая продавала еду на вынос, узнала

сразу. Она сказала, что его заказ состоял из рыбной корзинки с чипсами и бутылки колы или диет-колы, она точно не помнила, и обслуживала она его во второй половине дня, ближе к вечеру. Он сел за один из столиков и ел, глядя на воду. Я спросил, говорил ли он что-нибудь, и она ответила, что нет, разве что «пожалуйста» и «благодарю». Я спросил, не заметила ли она, куда он пошел после того, как поел — где-то в половине шестого, — и она ответила, что нет.

Винс посмотрел на Стефани.

— Я думаю, он пошел к пристани, чтобы успеть на шестичасовой паром к Лосиному острову. Времени как раз хватало.

— Ага, я всегда так и думал, — вставил Дейв.

Стефани выпрямилась, словно ее осенило.

— Дело было в апреле. В середине апреля на побережье штата Мэн, но его нашли без пиджака. Он был в пиджаке или куртке, когда его обслуживали в «Дженс»?

Мужчины улыбнулись, словно она только что решила сложное уравнение. Но Стефани знала, что их работа — даже на скромном уровне «Островного еженедельника» — состояла не в решении уравнений, а в выявлении того, что *следовало* решить.

— Это хороший вопрос, — кивнул Винс.

— Отличный вопрос, — согласился Дейв.

— Я приберегал эту часть, — продолжил Винс, — но раз это не история в полном смысле этого слова, приберегать хорошие части нет нужды... и если ты хочешь получить ответы, дорогуша, то магазин закрыт. Девушка, выдававшая заказы в «Дженс», точно не помнила, а остальные не помнили его вообще. Я полагаю, мы должны считать, что нам еще в каком-то смысле повезло. Если бы он подошел к ее прилавку в середине июля, когда в таких заведениях миллион людей и все хотят рыбную корзинку с картофелем фри, сэндвичи с лобстером и мороженое, она запомнила бы его при одном условии: если бы он скинул брюки и показал ей зад.

— Может, не запомнила бы и тогда, — сказала Стефани.

— Это правильно. Как бы то ни было, она запомнила его самого, а не одежду. Я не слишком на нее нажимал, потому что она могла что-то вспомнить, чтобы доставить мне удовольствие... или чтобы я от нее отстал. Она сказала: «Вроде бы он был в светло-зеленой куртке, мистер Тиг, но я могу ошибиться». И она могла ошибиться, но ты знаешь... я склонен думать, что так оно и было. И он действительно подходил к прилавку в зеленой куртке.

— Тогда где она? — спросила Стефани. — Эта куртка нашлась?

— Нет, — ответил Дейв, — так что, возможно, куртки и не было. Хотя я представить себе не могу, что он делал в апрельскую ночь на продуваемом холодным ветром берегу в одной рубашке.

Стефани повернулась к Винсу, ей хотелось задать тысячу вопросов — все срочные и ни одного четко сформулированного.

— Чего улыбаешься, дорогуша? — спросил Винс.

— Не знаю. — Она помолчала. — Нет, знаю. У меня такая чертова прорва вопросов, что я не знаю, с какого начать.

Оба старика расхохотались. Дейв вытащил большой носовой платок из заднего кармана и вытер глаза.

— Как тебя проняло! — воскликнул он. — Да, мэм! Вот что я тебе скажу, Стефф. Почему бы не представить себе, что ты на Благотворительной осенней распродаже и участвуешь в лотерее, главным призом которой является набор пищевых контейнеров «Тапперуэр»? Просто закрой глаза и вытащи билетик из круглого аквариума.

— Хорошо, — кивнула Стефани и если не полностью, то частично последовала совету.

— А отпечатки пальцев мертвеца? Стоматологическая карта? Я думала, если речь идет об опознании мертвецов, такие сведения тут же дают результат.

— Большинство людей так думает, и, наверное, обоснованно, — ответил Винс, — но ты должна помнить, Стефф, что мы говорим о восьмидесятом годе. — Он улыбался, но его глаза оставались серьезными. — Никакой тебе компьютерной революции, я уж не говорю об Интернете, этом удивительном инструменте, который молодежь вроде тебя воспринимает как что-то само собой разумеющееся. В восьмидесятом могли сверить отпечатки пальцев и стоматологическую карту нелича — так в полиции называют неопознанную личность — с отпечатками и картой человека, которым этот нелич мог быть, но проверка по картотекам разыскиваемых преступников в полицейских управлениях заняла бы годы. И мы говорим об одном человеке, а сколько их ежегодно пропадает в Соединенных Штатах? Даже если ограничить список мужчинами от тридцати до сорока лет. Нереально, дорогуша.

— Но я думала, в вооруженных силах эту информацию хранили в компьютерах даже в...

— Сомневаюсь в этом, — прервал ее Винс. — А если бы и хранили, не верю, что им отсылали отпечатки пальцев Парня из Колорадо.

— В любом случае опознание нашего парня началось не с отпечатков пальцев и не со стоматологической карты, — вставил Дейв. Он поглаживал широкую грудь и наслаждался предзакатными сол-

нечными лучами, падавшими под углом, но по-прежнему теплыми. — Как я понимаю, это называется «перейти к главному».

— Так с чего же началось опознание?

— Для этого нам надо вернуться к Полу Дивейну, — ответил Винс, — и я с удовольствием к нему возвращаюсь, потому что, как я и говорил, здесь как раз есть история, а истории — это мое дело. Они — моя тема, как говорили в давние, давние времена. Дивейн — глоточек Горацио Элджера*, маленький, но приятный. «Борьба и успех». «Работа и победа».

— «Моча и уксус», — предложил Дейв.

— Если тебе угодно, — кивнул Винс. — Конечно, ага, если тебе угодно. Дивейн уезжает с этими двумя тупыми копами, О'Шенни и Моррисоном, как только Кэткарт выдает им предварительные результаты вскрытия двух жертв пожара в многоквартирном доме, потому что им глубоко плевать на жертву несчастного случая Джона Доу, умершего на пляже Лосиного острова. Кэткарт тем временем копается в кишках Джона Доу в присутствии твоего покорного слуги. В свидетельство о смерти записывается «асфиксия, вызванная перекрытием

* Горацио Элджер-младший (1832—1899) — американский писатель, более всего известный как автор молодежных романов о бедных подростках, тяжким трудом, отвагой, смелостью и целеустремленностью завоевывающих достойное положение в обществе.

дыхательных путей» или другой медицинский эквивалент. В газеты отправляется «фото спящего», которое наши викторианские предки более точно называли «посмертным портретом». И никто не звонит в управление генерального прокурора или в полицию штата в Огасте, чтобы сообщить о пропавшем отце, или дяде, или брате.

— Похоронное бюро Тиннока продержало его в своем морге шесть дней. Такого закона нет, но, как во многих делах такого сорта, Стеффи, ты узнаешь, что это общепринятый порядок. Все в похоронном бизнесе это знают, хотя никто и не скажет *почему*. По прошествии этого периода Эйб Карви забальзамировал труп, поскольку его никто не востребовал. Он остался Джоном Доу. И тело перевезли в склеп похоронного бюро на кладбище «Морской вид»...

— От этой части вашего рассказа мурашки бегут по коже, — признала Стефани. Она буквально видела этого мужчину в склепе, почему-то не в гробу (хотя похоронное бюро наверняка уложило тело в какой-нибудь дешевый ящик), а просто лежащим на каменном постаменте под простыней. Посылка, оставленная в почтовом отделении страны мертвых.

— Ага, есть такое, немного, — согласился Винс. — Хочешь, чтобы я продолжил?

— Если остановитесь, я вас убью, — ответила Стефани.

Он кивнул, уже без улыбки, но довольный ее реакцией. Она не могла сказать, откуда ей это известно, но знала.

— Тело пролежало в склепе все лето и половину осени. Пришел ноябрь, тело оставалось неопознанным и невостребованным, поэтому его решили похоронить. — У Винса с его выговором янки «похоронить» рифмовалось с «порубить». — Пока земля не замерзла и не стало трудно копать, ты понимаешь.

— Да, — тихо ответила Стефани. И она понимала. На этот раз не почувствовала телепатического общения стариков, но, вероятно, без этого не обошлось, потому что продолжил историю (какой бы она ни была) Дейв, без единого намека от издателя «Островного еженедельника».

— Дивейн закончил стажировку у О'Шенни и Моррисона, которая не доставила ему никакого удовольствия. Вероятно, даже подарил им по галстуку или чему-то такому, отмучившись три месяца, или четыре, или сколько там ему полагалось. Думаю, я говорил тебе, Стефани, что этот парень не опускал рук перед трудностями. Но уехав отсюда и передав все необходимые бумаги в свой колледж — я думаю, в Джорджтауне, но ты не сердись

на меня, если это не так, — он вновь начал учиться, сосредоточившись на дисциплинах, необходимых для поступления в юридическую школу. И на этом, если не считать двух моментов, Пол Дивейн покидает эту историю, которая, по словам Винса, вовсе и не история, за исключением, возможно, этой части. Первый момент: Дивейн улучил возможность заглянуть в пакет с уликами и просмотрел личные вещи Джона Доу. Второй: у него завязались серьезные отношения с девушкой, которая привела его домой, чтобы познакомить с родителями, как девушки часто делают в случае серьезности отношений, и у отца этой девушки была как минимум одна дурная привычка, в те дни более распространенная, чем ныне. Он курил сигареты.

Голова у Стефани варила хорошо (о чем оба старика знали), и она тут же вспомнила пачку сигарет, выпавшую на песок пляжа Хэммока, когда мертвец завалился набок. Джонни Грэвлин (нынешний мэр Лосиного острова) поднял ее и вернул в нагрудный карман мертвеца. И тут Стефани осенило: озарение полыхнуло слепящим пламенем. Стефани дернулась, словно от укола. Ее нога задела стоявший на полу стакан и опрокинула его. Кола, пузырясь, растеклась по старым доскам террасы, через щели закапала на камни и сорняки внизу. Старики не обратили на это внимания. Они

прекрасно знали, что происходит — человеку открылась истина, — и наблюдали за своей стажеркой с интересом и радостью.

— *Акцизная марка!* — Стефани едва не вопила. — *На дне каждой пачки есть акцизная марка!*

Старики зааплодировали, негромко, но искренне.

Глава 10

— Позволь мне сказать, — вновь заговорил Дейв, — что увидел юный мистер Дивейн, когда, нарушая запрет, заглянул с пакет с уликами, Стеффи. Я уверен, он сделал это просто назло детективам-тупицам, а не потому, что надеялся обнаружить что-то важное среди немногочисленных предметов. Прежде всего, там лежало обручальное кольцо Джона Доу: золотое, узкое, без выгравированного имени, даже без даты свадьбы.

— Они не оставили кольцо на его... — Стефани увидела, что старики смотрят на нее, и поняла глупость собственного предположения. Если бы мертвеца опознали, кольцо бы вернули. Оно могло лечь в землю, надетое на палец, если бы того пожелала семья покойного. Но до опознания кольцо оставалось уликой и хранилось в положенном месте. — Нет, разумеется, нет, — признала она свою ошибку. — Чуть не сморозила глупость. Но вот

что... Где-то все-таки была миссис Доу. Жена Парня из Колорадо. Так?

— Ага, — с неохотой ответил Винс Тиг. — И мы ее нашли. Со временем.

— И маленькие Доу тоже были? — спросила Стефани, думая о том, что у женщины такого возраста детей могло быть много.

— Давай пока отложим этот вопрос, — предложил Дейв.

— Ой, — вырвалось у Стефани. — Извините.

— Извиняться не за что. — Он чуть улыбнулся. — Просто не хочется терять то место, где остановился. А это очень легко, когда... Как это лучше сказать, Винс?

— Когда нет связующей нити. — Винс тоже улыбался, но глаза его слегка затуманились. Стефани задалась вопросом, не связано ли это с маленькими Доу.

— Именно, нет связующей нити. — Дейв кивнул, задумался, а потом продемонстрировал, что не потерял того места, где остановился. — В пакете для улик лежали обручальное кольцо, семнадцать долларов купюрами — десятка, пятерка и две по одному, — пригоршня мелочи, где-то на бакс. И еще, по словам Дивейна, одна иностранная монетка. Судя по буквам, сказал он, возможно, русская.

— Русская? — изумилась Стефани.

— Такой алфавит называют кириллицей, — пробормотал Винс.

Дейв двинулся дальше.

— В пакете также лежали упаковка мятных пастилок «Сертс» и упаковка жевательной резинки «Биг рэд» без одной пластинки. Еще книжица спичек с рекламой купонов на лицевой стороне — я уверен, ты такие видела, их раздают во всех магазинах, — и Дивейн сказал, что по книжице чиркнули только один раз, оставив четкую розовую линию. И наконец, сигаретная пачка, вскрытая, без одной или двух сигарет. Дивейн думал, что из пачки достали только одну сигарету, а подтверждение тому — книжица спичек, по которой чиркнули один раз.

— И никакого бумажника. — В голосе Стефани не слышалось вопросительных ноток.

— Да, мэм.

— И никаких документов.

— Абсолютно.

— Не рассматривалась ли версия, что кто-то прошел мимо, украв остаток стейка мистера Доу вместе с его бумажником? — спросила Стефани, и с ее губ сорвался смешок, прежде чем она успела прикрыть рот рукой.

— Стеффи, мы рассматривали и эту версию, и все другие, — ответил Винс. — В том числе экзо-

тические: его сбросила на пляж Хэммока одна из летающих тарелок, именуемых в этих краях Береговыми огнями.

— Месяцев через шестнадцать после того, как Джонни Грэвлин и Нэнси Арно нашли этого человека, — продолжил рассказ Дейв, — Пола Дивейна пригласили провести выходные в родительском доме его подруги, в Пенсильвании. К тому времени он и думать забыл о Лосином острове, пляже Хэммока и Джоне Доу. По его словам, они с подругой вечером собирались то ли в кино, то ли куда-то еще. Родители находились на кухне, домывали посуду после ужина — прибирались, как у нас говорят, — и хотя Дивейн предложил помочь, его отправили в гостиную, сославшись на его незнание, где что лежит. Там он сидел, смотрел телевизор, и его взгляд случайно упал на кресло Папы Медведя, а на маленьком столике рядом с креслом, вместе с «ТВ-гидом» и зажигалкой Папы Медведя, лежала пачка сигарет Папы Медведя.

Он помолчал, улыбнулся Стефани и пожал плечами.

— Странно, как иной раз все складывается. Заставляет задуматься, почему гораздо чаще не складывается. Если бы пачка лежала по-другому, крышечкой к Полу, а не доньшком, наш Джон Доу, возможно, так и остался бы Джоном Доу, не став ни Парнем из Колорадо, ни мистером Джеймсом Ко-

ганом из Нидерленда, города, расположенного чуть западнее Боулдера. Но пачка лежала доньшком к Полу Дивейну, и он увидел акцизную марку. Именно марку, вроде почтовой, и она навела его на мысль о пачке сигарет в пакете для улик.

— Видишь ли, Стеффи, один из надзирателей Пола Дивейна — я не помню, О’Шенни или Моррисон — курил, и среди прочего Полу предписывалось покупать сигареты «Кэмел». Тоже с акцизными марками, но не такими, как на пачке в пакете с уликами. Ему показалось, что на пачках сигарет, продававшихся в штате Мэн, которые он и покупал для детектива, марки чернильные, вроде тех печатей, какие тебе иногда ставят на руку, если ты приходишь на танцы в маленьком городке, или... Ну, не знаю...

— На Ежегодный праздник окончания лета на ферме Жернера с катанием на возу сена и пикником? — с улыбкой спросила Стефани.

— Именно! — воскликнул Дейв, нацелив на нее пухлый палец. — В общем, это не тот случай, когда ты подпрыгиваешь и кричишь: «Эврика!» — но в те выходные Пол Дивейн мысленно вновь и вновь возвращался к этой пачке сигарет, потому что ему не давали покоя воспоминания о другой пачке, в пакете для улик. Ранее Пол Дивейн исходил из того, что на пачке сигарет Джона Доу обязательно

должна стоять акцизная марка штата Мэн, откуда бы он ни приехал в этот штат.

— Почему?

— Потому что из пачки достали только одну сигарету. И какому курильщику хватит одной на шесть часов?

— Не заядлому?

— Человека, у которого в кармане целая пачка, а за шесть часов он выкуривает только одну сигарету, вообще курильщиком не назовешь, — мягко вставил Винс. — Опять же, Дивейн видел язык мертвеца. И я видел... Когда стоял на коленях рядом с ним и направлял в рот луч отоскопа доктора Робинсона. Язык был розовый, как мятная конфетка. Язык некурящего.

— И книжица спичек, — задумчиво добавила Стефани. — По которой чиркнули один раз.

Винс Тиг улыбался. Улыбался и кивал.

— Один раз.

— И зажигалки не было?

— Не было, — хором ответили старики и рассмеялись.

Глава 11

— Дивейн подождал до понедельника, — вновь заговорил Дейв, — а поскольку эта неувязка с сигаретами не давала ему покоя, хотя прошло почти полтора года после того, как он закрыл для себя эту часть своей жизни, он позвонил мне и объяснил, что у него возникла идея: возможно, только *возможно*, пачка сигарет, которую Джон Доу носил с собой, куплена не в штате Мэн. А если так, то акцизная марка на донышке подскажет, из какого штата он приехал. Пол высказался в том смысле, что Джон Доу, скорее всего, некурящий, но в любом случае акцизная марка может стать ниточкой, которая позволит распутать весь клубок. Я с ним согласился, но спросил, почему он позвонил мне. Он ответил, что не знает никого, кто мог бы этим заинтересоваться по прошествии столь долгого срока. Он не ошибся: меня это по-прежнему интересовало — как и Винса, — и насчет акцизной марки его догадка тоже оказалась верной.

— Как тебе известно, я не курильщик и никогда им не был, и это одна из причин, благодаря которым я дожил до такого солидного — шестьдесят пять лет — возраста и нахожусь в столь блестящей форме...

Винс что-то буркнул и отмахнулся, а Дейв продолжил, не обращая на него внимания:

— Короче, я прогулялся по улице до газетного киоска «Бэйсайд ньюс» и попросил разрешения взглянуть на пачку сигарет. Взял пачку и увидел, что акцизная марка чернильная и совсем не напоминает почтовую. После этого я позвонил в управление генерального прокурора и поговорил с неким Мюрреем в Архиве вещественных доказательств. Разговаривал с ним как можно дипломатичней, Стефф, потому что эта парочка тупых детективов по-прежнему работала...

— И они проглядели потенциально важную зацепку, так? — спросила Стефани. — Она могла сузить поиски Джона Доу до одного штата. И лежала у них под носом.

— Да, — кивнул Винс, — и они никоим образом не могли возложить вину на своего стажера, потому что приказали ему не соваться в пакет с уликами. Плюс к тому времени, когда стало ясно, что он их ослушался...

— ...они уже не могли его достать.

— Золотые слова, — согласился Дейв. — Но им в любом случае ничего не грозило. Помни, они расследовали реальное убийство в Тинноке — два трупа на пожарище, а Джон Доу всего лишь подавился куском мяса.

— Но... — В голосе Стефани слышалось сомнение.

— Но они протупили, не стесняйся так сказать, ты среди друзей. — Дейв широко ей улыбнулся. — Однако «Еженедельник» не собирался никоим образом досадить этим детективам. Я первым делом довел это до Мюррея, также отметив, что это не криминальный вопрос. Просто мне хотелось выяснить, кто этот бедолага, потому что где-то родственники, скорее всего, сбились с ног, разыскивая его и не зная, что с ним случилось. Мюррей ответил, что свяжется со мной, как только появится какая-то ясность. Чего я, собственно, от него и ожидал, но день у меня все равно прошел в тревоге. А вдруг я что-то сделал не так? Я ведь мог обратиться к доку Робинсону и попросить его позвонить в Огасту. Мог даже уговорить на это Кэткарта, да только таскать каштаны из огня чужими руками — не по мне. Наверное, это банально, но я искренне верю: в девяти случаях из десяти лучше честности ничего нет. Просто я волновался из-за того, что этот случай может оказаться десятым.

— В итоге все получилось как нельзя лучше. Мюррей перезвонил мне, когда я уже не ждал звонка и начал собираться домой. Так ведь обычно и бывает?

— Кто над чайником стоит — у того он не кипит, — подтвердил Винс.

— Господи, это же афоризм, дайте мне бумагу и ручку, чтобы я смог это записать. — Дейв улыбнулся во весь рот. Эта улыбка скинула с его лица не один десяток лет, буквально превратила старика в мальчишку. Потом он вновь стал серьезным, и мальчишка исчез.

— В больших городах улики постоянно теряются, это я понимаю, но Огасту нельзя считать большим городом, пусть это и столица штата. Сержант Мюррей без проблем нашел пакет с уликами и описью, подписанной Полом Дивейном. По его словам, нашел через десять минут после нашего разговора. Оставшееся время ушло на то, чтобы добыть разрешение ознакомить меня с содержимым пакета... и ему это удалось. Джон Доу носил с собой пачку сигарет «Винстон», и на доньшке имелась акцизная марка, как и запомнил Пол Дивейн, напоминающая почтовую, с надписью «Колорадо» крохотными черными буквами. Мюррей сказал, что передал эту информацию помощнику генерального прокурора, и они попросили сообщить до публикации, если нам удастся продвинуться в опоз-

нании Парня из Колорадо. Так он его назвал, поэтому, как я понимаю, автором прозвища является сержант Мюррей из Архива вещественных доказательств управления генерального прокурора. Он также выразил надежду, если с опознанием все получится, увидеть в нашей газете упоминание о том, что управление генерального прокурора оказало нам всяческое содействие. Знаешь, я подумал, что это очень мило.

Стефани наклонилась вперед, со сверкающими глазами, полностью захваченная рассказом.

— И что вы сделали после этого? Как поступили?

Дейв уже открыл рот, чтобы ответить, но рука Винса коснулась его полного плеча.

— И *как*, по-твоему, мы поступили, дорогуша?

— Опять учеба? — спросила она.

— Именно так.

И поскольку по выражению глаз и строго поджатым губам Стефани понимала, что он хочет услышать от нее правильный ответ, она задумалась, а когда заговорила, тщательно подбирала слова.

— Вы... Вы сделали копии «фотографии спящего»...

— Ага. Сделали.

— А потом... м-м-м... Вы разослали их вместе с вырезками статей... Сколько колорадских газет их получили?

Винс улыбнулся, кивнул, поднял руки с оттопыренными большими пальцами.

— Семьдесят восемь, миз Маккэнн, и не скажу за Дейва, но я удивился, как дешево нам это обошлось, учитывая количество писем, даже для восьмидесят первого года. Мы не потратили и сотни долларов, включая почтовые марки.

— Разумеется, мы списали их на производственные расходы, — вставил Дейв, который выполнял еще и обязанности бухгалтера. — Каждый цент. Имели полное право.

— И сколько газет опубликовали фотографию?

— *Все до единой!* — воскликнул Винс и хлопнул ладонью по худому бедру. — Ага! Даже «Денвер пост» и «Роки-Маунтин ньюс». Благодаря только одному неизвестному и крепкой связующей нити. Ты понимаешь?

Стефани кивнула. Просто и красиво. Она понимала.

Винс кивнул в ответ, сияя как медный таз.

— Неопознанный мужчина, возможно, из Колорадо, найден на островном пляже Мэна, в двух тысячах миль! Ни слова о куске стейка, застрявшего в глотке, ни слова о пиджаке или куртке, которую взял неизвестно кто и унес неизвестно куда (а может, этого пиджака/куртки вообще не было), ни слова о русской монете в кармане! Только Парень из Колорадо, классическая нераскрытая тай-

на, и, конечно же, фотографию опубликовали все газеты, даже бесплатные, в которых обычно можно найти только купоны.

— Через два дня после того как в конце октября восемьдесят первого года боулдерская газета опубликовала фотографию, мне позвонила женщина, Арла Коган. Она жила в Нидерленде, городке, расположенном в горах, чуть выше Боулдера, и в апреле прошлого года у нее пропал муж, оставив ее с шестимесячным — на тот момент — ребенком. По ее словам, звали его Джеймс, и, хотя она понятия не имела, как он мог оказаться на острове у побережья Мэна, мужчина на фотоснимке, опубликованном в «Камере», очень походил на ее мужа. Ага, очень походил. — Он помолчал. — Предполагаю, она знала, что дело не просто в сходстве, потому что больше ничего сказать не смогла и расплакалась.

Глава 12

Стефани попросила Дейва произнести по буквам имя миссис Коган, потому что сразу не поняла его из-за сильного мэнского выговора Дейва Боуи.

Он произнес, а потом добавил:

— Отпечатков его пальцев у нее не нашлось — естественно, откуда им взяться у брошенной бедняжки, — но она назвала мне фамилию стоматолога, услугами которого они пользовались, и...

— Стоп, стоп, стоп! — Стефани вскинула руку, как коп-регулирующий. — Этот Коган, чем он зарабатывал на жизнь?

— Работал художником в денверском рекламном агентстве, — ответил Винс. — Я видел несколько его работ и могу сказать, что получалось у него неплохо. На национальный уровень он бы никогда не вышел, но если вам требовался рекламный плакат с женщиной, поднимающей рулон туалетной бумаги с таким видом, будто она только что поймала рекордных размеров форель, Коган нарисовал

бы его в лучшем виде. В Денвер он ездил дважды в неделю, по вторникам и средам, на деловые встречи и обсуждения тех или иных рекламных кампаний. Остальное время работал дома.

Стефани повернулась к Дейву:

— Стоматолог переговорил с Кэткартом, медицинским экспертом, правильно?

— Ты летишь на всех парусах, Стефф. Кэткарт не располагал рентгеновским снимком ротовой полости Парня, потому что не счел необходимым отправлять труп в Мемориальную окружную больницу, где эти снимки могли сделать. Но он описал все пломбы и две коронки. Все совпало. Он пошел дальше и отослал нидерландской полиции копии отпечатков пальцев покойного. Те вызвали специалиста из полицейского управления Денвера, чтобы он отыскал в домашнем кабинете Джеймса Когана отпечатки его пальцев. Миссис Коган — Арла — утверждала, что никаких отпечатков не найти, поскольку она все вымыла и вычистила, когда окончательно смирилась с тем, что ее любимый Джим не вернется. Он или бросил ее, во что она не могла поверить, или с ним случилось что-то ужасное: в это она как раз начинала верить.

— Дактилоскопист не сомневался: если Коган проводил «достаточно времени» в комнате, которая служила ему кабинетом, отпечатки найдутся. — Дейв помолчал, вздохнул, провел рукой по остаткам

волос. — Они нашлись, и все точно узнали, кем был Джон Доу, также известный как Парень из Колорадо: Джеймсом Коганом, сорока двух лет от роду, из Нидерленда, мужем Арлы Коган, отцом Майкла Когана, шестимесячного на момент исчезновения отца, двухгодовалого на момент опознания последнего.

Винс встал и потянулся, упершись руками в поясницу.

— Как насчет того, чтобы пойти в дом? Становится прохладно, а история еще не закончена.

Глава 13

Они по очереди побывали в туалете, упрятанном в нише за офсетной печатной машиной, которая больше не использовалась (газету печатали в Элсуорте, еще с 2002 года). Пока Дейв справлял нужду, Стефани включила Мистера Кофе. Если история-которая-не-была-историей растянется еще на час или около того (а она предполагала, что такое возможно), никто из них не откажется от чашечки.

Когда все собрались вновь, Дейв принялся, глянул в сторону маленькой кухни и одобрительно кивнул.

— Мне нравятся женщины, которые не считают работу на кухне рабским трудом только потому, что сами зарабатывают на жизнь.

— То же самое я думаю о мужчинах, — ответила Стефани, а когда он засмеялся и кивнул (ей опять удалась шутка, вторая за день, рекорд), она указала на огромную старую печатную машину. — *Вот* что мне кажется рабским трудом.

— Эта машина выглядит хуже, чем есть на самом деле, но та, что стояла здесь раньше, была совсем кошмарной. Она могла отхватить руку, если зазеваешься, и пыталась проделать это, даже если ты ни на мгновение не терял бдительности. Так на чем мы остановились?

— На женщине, которая только-только выяснила, что стала вдовой, — ответила Стефани. — Как я понимаю, она приезжала, чтобы забрать тело.

— Да, — кивнул Дейв.

— И один из вас привез ее сюда из аэропорта Бангора?

— А как ты думаешь, дорогуша?

Над этим вопросом Стефани раздумывать не пришлось. К концу октября или началу ноября 1981 года для властей Мэна Парень из Колорадо стал далеким прошлым. Да и будучи жертвой несчастного случая, с самого начала казался мелочовкой. Еще одним неопознанным трупом, не более того.

— Разумеется, привезли. Вы двое были ее единственными друзьями во всем штате Мэн. — Эта мысль произвела на нее впечатление, заставила осознать, что Арла Коган была (и, скорее всего, оставалась) реальным человеком — не персонажем в детективе Агаты Кристи или сериале «Она написала убийство».

— Я привез ее, — тихим голосом ответил Винс. Наклонился вперед, рассматривая свои сцепленные

руки, скрюченные артритом. — И она оказалась совсем не такой, как я ее себе представлял. Я нарисовал картинку в голове, отталкиваясь от ложной идеи. Конечно, мне следовало знать, что так и будет. Я проработал в газетном бизнесе шестьдесят пять лет — столько же, сколько прожил мой поделщик, и он уже не такой красавчик, за какого себя принимает, — и за это время насмотрелся на покойников. Большинство из них чертовски быстро вышибало из головы романтическую хрень вроде: «Так тиха, чиста...» Трупы отвратительны. Многие уже и не похожи на людей. Но к Парню из Колорадо это не относилось. Он выглядел достаточно хорошо, чтобы стать персонажем какой-нибудь романтической поэмы мистера По. Я сфотографировал его до вскрытия, разумеется, надо об этом помнить, и, если смотреть на фотографию больше секунды или двух, он выглядел мертвее мертвого (во всяком случае, для меня), но все равно оставалось в нем что-то приятное глазу: пепельные щеки, бледные губы, чуть тронутые лавандовым цветом веки.

— Б-р-р-р. — Стефани поежилась, но при этом она понимала, о чем говорил Винс, и да, на ум пришло стихотворение По. О потерянной Линор.

— Ага, по мне, так звучит как настоящая любовь, — кивнул Дейв и поднялся, чтобы налить кофе.

Глава 14

Винс Тиг вылил в свою кружку, как показалось Стефани, половину пакета молока со сливками, а потом продолжил. С печальной улыбкой.

— Я хочу сказать, что ожидал увидеть белокожую черноволосую красавицу. А встретил пухленькую рыжую с множеством веснушек. Я ни на минуту не усомнился в ее горе и тревоге, но, должен сказать, она относилась к тем, кто ест, а не постится, когда крысы гложут нервы. Ее родители приехали из Омахи или Де-Мойна, а может, откуда-то еще, чтобы присмотреть за ребенком, и я никогда не забуду, какой потерянной и одинокой она выглядела, выйдя из «рукава» в аэропорту, с небольшой дорожной сумкой, которую обеими руками прижимала к пухлой груди. Она выглядела совсем не так, как я ожидал, совсем не потерянной Линор...

Стефани подпрыгнула и подумала: *Может, теплая связывает уже нас троих?*

— ...но я сразу понял, кто она. Помахал ей, и она подошла ко мне, спросила: «Мистер Тиг?» И когда я ответил, что да, он самый, она поставила сумку на пол, обняла меня и сказала: «Спасибо, что приехали встретить меня. Спасибо за все. Я не могла поверить, что это он, но, посмотрев на фотографию, поняла: он».

— Путь сюда неблизкий — никто не знает этого лучше тебя, Стефф, — и нам хватило времени на разговоры. Первым делом она спросила, представляю ли я себе, каким ветром Джима занесло на побережье Мэна. Я ответил, что понятия не имею. Потом она спросила, зарегистрировался ли он в одном из местных мотелей в среду вечером... — Он замолчал и посмотрел на Дейва. — Я прав? Насчет вечера среды?

Дейв кивнул.

— Она спрашивала насчет вечера среды, потому что Джонни и Нэнси нашли его в четверг утром. Двадцать четвертого апреля одна тысяча девятьсот восьмидесятого года.

— Вы это *помните*, — поразилась Стефани.

Дейв пожал плечами.

— Такой мусор сидит в голове крепко, как заноза, — ответил он, — зато по пути домой я забываю купить хлеб, и приходится вновь выходить под дождь.

Стефани повернулась к Вину.

— Конечно же, он не зарегистрировался в мотеле в среду вечером, иначе вы не могли бы так долго называть его Джоном Доу. Он, правда, мог зарегистрироваться под вымышленным именем, но в местных мотелях никто из постояльцев не пропал.

Он начал кивать прежде, чем она закончила.

— После того как Парня из Колорадо нашли на пляже Хэммока, мы с Дейвом три или четыре недели — разумеется, в свободное от работы время — объезжали мотели, как сказал бы мистер Йейтс, «все шире — круг за кругом»*, с Лосиным островом в центре. Летом, когда борьбу за отдыхающих ведут четыре сотни мотелей, гостиниц, кемпингов, пансионов и пансионатов, расположенных в половине дня езды от тиннокского паромы, это была бы непосильная задача, но в апреле много времени у нас не ушло, потому что семьдесят процентов этих заведений закрыты со Дня благодарения до Дня памяти. Мы показывали фотографию всем, Стеффи.

— Напрасный труд?

— Будь уверена, — подтвердил Дейв.

Она повернулась к Винсу.

— И что она вам ответила, когда вы рассказали ей о ваших поисках?

* «Второе пришествие». Перевод Г. Кружкова.

— Ничего. Сидела, сбита с толку. — Он помолчал. — Немного поплакала.

— Разумеется, поплакала, бедняжка, — вставил Дейв.

— А что делали вы? — спросила Стефани, не отрывая взгляда от Винса.

— Свою работу, — без запинки ответил он.

— Потому что вы из тех, кто всегда должен все знать.

Его кустистые, спутанные брови приподнялись.

— Ты так думаешь?

— Да, — кивнула она. — Это и есть ваша работа.

И повернулась к Дейву за подтверждением.

— Думаю, с этим она попала в яблочко, напарник, — согласился с ней Дейв.

— Вопрос, *твоя* ли это работа, Стеффи? — спросил Винс с кривой улыбкой. — Я думаю, да.

— Конечно, — ответила она, почти беспечно. Она знала это уже не одну неделю, хотя если бы ей задали этот вопрос до приезда в «Еженедельник», она бы рассмеялась, посчитав нелепой саму идею, что решить, в чем состоит работа всей жизни, можно на столь скромной должности. Та Стефани Маккэнн, которая почти уже собралась поехать в Нью-Джерси, а не на Лосиный остров у побережья Мэна, теперь казалась ей совсем другим человеком. Равнинным. — И что она вам сказала? Что она знала?

— Достаточно для того, чтобы эта странная история стала еще страннее, — ответил Винс.

— Расскажите мне.

— Хорошо, но честно предупреждаю: здесь связующая нить обрывается.

Стефани не колебалась.

— Все равно расскажите.

Глава 15

— Джим Коган уехал на работу в денверское рекламное агентство «Маунтин оверлук» в среду, двадцать третьего апреля одна тысяча девятьсот восьмидесятого года, как и в любую другую среду, — начал Винс. — Так она мне сказала. Взял с собой эскизы, над которыми работал, для «Сансет-Шевроле», одного из крупных местных автомобильных дилеров, очень важного клиента. Для них агентство «Маунтин оверлук» выпускало массу рекламной продукции. Коган был одним из четырех художников, обслуживающих заказы «Сансет-Шевроле» последние три года, сказала она, и не сомневалась, что компанию работа Джима полностью устраивала. Более того, чувство было взаимным: Джиму нравилось на них работать. Специализировался он, по ее словам, на «срань-господних женщинах». Так он это называл. На мой вопрос, а что бы это значило, она улыбнулась и объяснила, что он рисовал красивых женщин с широко рас-

крытыми глазами и разинутыми ртами, обычно прижимающих руки к щекам. Эти плакаты говорили всем, кто на них смотрел: «Срань господня, до чего удачную покупку я урвала в «Сансет-Шевроле!»

Стефани рассмеялась. Она видела такие объявления, обычно в бесплатных рекламных газетах, которые распространялись в супермаркетах «Шоп энд сэйв» по другую сторону пролива, в Тинноке.

Винс покивал:

— Арла тоже оказалась художницей, только по части слов. И нарисовала мне добропорядочного человека, который любил жену, ребенка, работу.

— Иногда любовь бывает слепа, — изрекла Стефани.

— Такая юная, а уже циничная! — воскликнул Дейв, не без удовольствия.

— Что ж, это правда, но логика в ее словах присутствует, — ответил Винс. — Просто дело в том, что шестнадцати месяцев обычно хватает, чтобы снять розовые очки. Если бы что-то шло не так — неудовлетворенность работой, может, милашка на стороне, — думаю, Арла бы это заметила, что-то уловила, если только мужчина не проявлял чудеса осторожности, потому что за эти шестнадцать месяцев она переговорила со всеми, кто его знал, со многими по два раза, и от всех слышала одно и то же: ему нравилась работа, он любил жену, а ребен-

ка просто боготворил. Арла продолжала к этому возвращаться. «Он бы никогда не бросил Майкла, — говорила она. — Я это знаю, мистер Тиг. Нутром чую». — Винс пожал плечами, как бы говоря: *Подайте на меня за это в суд.* — Я ей поверил.

— И он не устал от своей работы? — спросила Стефани. — Не испытывал желания переехать в другое место?

— Она говорила, что нет. Ему нравился их дом высоко в горах, он даже табличку прикрепил на входной двери: «Убежище Эрнандо»*. Когда она разговаривала с одним художником, который тоже занимался проектами «Сансет-Шевроле», а с Коганом работал много лет... Дейв, помнишь, как его звали?..

— Джордж Рэнкин или Джордж Франклин, — ответил Дейв. — Как именно, не помню, ускользает из головы.

— Не огорчайся, старичок, — улыбнулся Винс. — Даже Уилли Мейс время от времени давал маху, особенно в конце долгой карьеры.

Дейв показал ему язык.

* «Убежище Эрнандо» — название медленного танго в бродвейском мюзикле «Пижамная игра (1954)». В настоящее время парламентарии называют так курительную комнату в палате общин (Великобритания).

Винс кивнул, словно именно такого ребячества и ожидал от своего ответственного редактора, потом вернулся к истории.

— Джордж-Художник, Рэнкин или Франклин, сказал Арле, что Джим достиг верхнего предела своих способностей и относился к тем счастливицам, которые не только знают свои возможности, но и довольны тем, что заложила в них природа. Единственное, по словам Джорджа, чего он еще хотел, так это со временем возглавить художественный департамент «Маунтин оверлук». И учитывая это честолобивое желание, внезапный, под влиянием момента, отъезд в Новую Англию представлялся чем-то из ряда вон выходящим.

— Но она думала, что он рванул сюда *именно* под влиянием момента, — вставила Стефани. — Правильно?

Винс поставил кофейную кружку и зарылся руками в седые волосы, которые и без того торчали во все стороны.

— Арла Коган, как и все мы, находилась в плену очевидного.

Утром Джеймс Коган вышел из дома без четверти семь, чтобы поехать в Денвер по платной Боулдерской автостраде. С собой взял только упомянутую мной папку с эскизами. Уехал в сером костюме, белой рубашке, красном галстуке и сером пальто. Да, еще в черных кожаных мокасинах.

— Никакой зеленой куртки? — спросила Стефани.

— Никакой зеленой куртки, — согласился Дейв, — но серые брюки, белая рубашка и черные мокасины были на нем, когда Джонни и Нэнси обнаружили его мертвым на пляже, привалившим-ся спиной к мусорному баку.

— А пиджак и пальто?

— Их так и не нашли, — ответил Дейв. — И галстук тоже. Но, разумеется, если мужчина снимает галстук, он обычно сует его в карман пиджака или пальто, и я готов спорить, если бы серые пиджак и пальто все-таки обнаружили, галстук лежал бы в кармане.

— Утром, без четверти девять, — продолжил Винс, — он уже стоял за кульманом, работал над газетным рекламным объявлением для «Кинг суперс».

— Для?..

— Это сеть супермаркетов, дорогуша, — пояснил Дейв.

— Примерно в четверть одиннадцатого Джордж-Художник, Рэнкин или Франклин, увидел, как наш Парень направляется к лифтам. Коган сказал, что собирается взять «настоящий кофе» в «Старбакс» и сандвич с яичным салатом, чтобы поесть за своим столом. Еще он спросил у Джорджа, не принести ли ему чего.

— И все это Арла рассказала вам по пути в Тиннок?

— Да, мэм. Я вез ее туда, чтобы она могла поговорить с Кэткартом, формально опознать покойника по фотографии — «Это мой муж, это Джеймс Коган» — и подписать заявку на эксгумацию. Он нас ждал.

— Понятно. Извините, что перебила. Продолжайте.

— Никогда не извиняйся, задавая вопросы, Стефани. Задавать вопросы — работа репортера. В любом случае, Джордж-Художник...

— Будь он хоть Рэнкином, хоть Франклином, — вставил всегда готовый помочь Дейв.

— Ага, он самый... так вот, он сказал Когану, что без кофе обойдется, но проводил его до лифтов, чтобы поговорить о грядущей прощальной вечеринке некого Хаверти, одного из основателей агентства, который уходил на пенсию. Вечеринку назначили на середину мая, и Джордж-Художник сказал Арле, что ее муж с нетерпением ждал это мероприятие. Они поболтали о возможном подарке, пока не подошел лифт. Коган шагнул в кабину и сказал Джорджу-Художнику, что они должны более конкретно поговорить об этом за ланчем и спросить кого-то еще — какую-то женщину, которая с ними работала, — что она думает по этому поводу. Джордж-Художник согласился, что это очень даже

неплохая идея, Коган махнул ему рукой, дверцы кабины закрылись, и Джордж-Художник оказался последним человеком, который помнил, что видел Парня из Колорадо, когда тот еще находился в Колорадо.

— Джордж-Художник. — В голосе Стефани слышалось чуть ли не восхищение. — Думаете, ничего этого не случилось бы, если бы Джордж сказал: «Подожди минуточку. Я только накину пиджак, и мы вместе пройдемся за кофе»?

— Мы можем только гадать, — пожал плечами Винс.

— А он был в пальто? — спросила она. — Он выходил из здания в своем сером пальто?

— Арла спрашивала, но Джордж-Художник не помнил, — ответил Винс. — Максимум на что сподобился, так это сказать: «Вроде бы нет». И, вероятно, так оно и было. «Старбакс» и кафе, где готовили сэндвичи, располагались рядом буквально за углом.

— Она также сказала, что на том этаже сидела секретарь-регистратор, — ввернул Дейв, — но она никогда не обращала внимания на тех, кто подходил к лифтам, и еще призналась, что «возможно, отошла на минутку от своего стола». — Он осуждающе покачал головой. — Такого никогда не бывает в детективных романах.

Но Стефани ухватила за кое-что еще, и ей пришло в голову, что она подбирала крошки, тогда как главное блюдо стояло на столе. Она подняла левый указательный палец к левой щеке.

— Джордж-Художник попрощался с Коганом — Парнем из Колорадо — примерно в четверть одиннадцатого. А может, и в двадцать минут одиннадцатого, когда на этаже остановился лифт и Парень вошел в кабину.

— Ага, — ответил Винс. Он смотрел на нее, сверкая глазами. Они оба смотрели.

Теперь Стефани подняла правый указательный палец к правой щеке.

— Девушка за прилавком в «Дженс» на том берегу пролива сказала, что он ел рыбу и чипсы, сидя за столиком и глядя на воду, в половине шестого.

— Ага, — повторил Винс.

— И какова разница во времени между Мэном и Колорадо? Час?

— Два, — ответил Дейв.

— Два, — повторила Стефани, помолчала и вновь произнесла это слово: — *Два*. То есть, когда Джордж-Художник видел его в последний раз, когда двери лифта сомкнулись, в Мэне шел уже первый час дня.

— При условии, что они расстались именно в это время, — согласился Дейв, — но это всего лишь предположение.

— А такое возможно? — спросила она. — Он мог добраться сюда за этот промежуток времени?

— Да, — ответил Винс.

— Нет, — ответил Дейв.

— Возможно, — ответили они оба, и Стефани сидела, в недоумении переводя взгляд с одного на другого, забыв про кружку кофе.

Глава 16

— Вот почему эта история не годится для такой газеты, как «Глоуб», — заговорил Винс после того, как сделал глоток кофе с молоком и привел мысли в порядок. — Даже если бы мы захотели ею поделиться.

— А мы не захотели, — вставил Дейв (довольно-таки брюзгливо).

— А мы не захотели, — согласился Винс. — Но даже если бы... Стеффи, когда газета большого города, вроде «Глоуб» или «Нью-Йорк таймс», публикует очерк... даже серию очерков, редактору хочется дать если не ответы, то хотя бы намек на них, а тут с этим проблема. И еще какая! Возьми любую газету большого города, и что ты найдешь на первой полосе? Вопросы, замаскированные под новостные истории. Где Усама бен Ладен? Мы не знаем. Что президент делает на Ближнем Востоке? Мы не знаем, да и он сам тоже. Экономика крепнет или идет ко дну? Мнения экспертов разнятся.

Яйца полезны или вредны для здоровья? Зависит от того, чье исследование ты читаешь. Нет даже синоптика, который прямо скажет, что северо-восточный ветер будет дуть с северо-востока, поскольку в прошлый раз они на этом обожглись. Поэтому если они дают очерк об улучшении жилищных условий меньшинств, в нем будет указано, что при выполнении условий А, Б, В и Г все станет гораздо лучше к две тысячи тридцатому году.

— А если они дают очерк о нераскрытых тайнах, — добавил Дейв, — в нем будет указано, что за Береговые огни принимали отражения от облаков, а массовое отравление на церковном пикнике, вероятно, дело рук отвергнутой секретарши методистской церкви. Но когда пытаешься разобраться в этой истории...

— На которую тебе случилось обратить внимание, — с улыбкой добавил Винс.

— Она, разумеется, кажется возмутительной, потому что не вписывается ни в какие рамки, с какой стороны ни посмотри, — закончил Дейв.

— Но я готов возмущаться, — сказал Винс. — Черт, я пытался докопаться до сути, чуть не сорвал проклятый телефон со стены, набирая номер за номером, и, полагаю, имею право возмущаться.

— Как говорил мой отец, ты можешь резать мел весь день, но сыром он от этого не станет, — заметил Дейв с улыбкой.

— Это правда, но позволь мне все равно отрезать кусочек, — ответил Винс. — Допустим, двери лифта закрылись в десять двадцать по горному времени, идет? Допустим, чисто теоретически, что все это планировалось заранее и его ждал автомобиль с работающим двигателем.

— Хорошо, — кивнула Стефани, не сводя с него глаз.

— Чистая фантазия, — фыркнул Дейв, но интерес читался и на его лице.

— Конечно, такое трудно себе представить, — согласился Винс, — но он был там в четверть одиннадцатого, а через пять с небольшим часов оказался в «Дженс». Это тоже трудно себе представить, но нам известно, что это факт. Позвольте продолжить?

— Фантазируй дальше, Макдафф*, — кивнул Дейв.

— Если его ждал автомобиль с прогретым двигателем, он мог добраться до аэропорта Стэплтон за полчаса. И конечно же, он не полетел обычным рейсом. Мог заплатить наличными и взять билет на вымышленное имя — тогда с этим не возникало проблем, — но прямых рейсов из Денвера в Бангор не было. Если на то пошло, из Денвера не было прямых рейсов в любой аэропорт Мэна.

* Макдафф — один из героев романа Дугласа Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли».

— Вы проверяли.

— Само собой. А если лететь с пересадкой, он прибыл бы в Бангор в шесть сорок пять вечера, то есть гораздо позже того времени, когда его видела девушка за прилавком. Более того, в то время года он опоздал бы на последний паром к Лосиному острову.

— В шесть вечера отплывал последний? — спросила Стефани.

— Да, и так до середины мая, — подтвердил Дейв.

— Значит, он летел чартерным рейсом, — заявила Стефани. — На зафрахтованном реактивном самолете. В Денвере были компании, которые предоставляли самолеты для фрахта? И мог он позволить себе зафрахтовать реактивный самолет?

— Да — на все вопросы, — ответил Винс, — но полет обошелся бы ему в пару тысяч баксов, а с их банковского счета таких денег не снимали.

— Не снимали?

Винс кивнул.

— Вплоть до исчезновения этого парня существенных сумм со счета не снимали. Тем не менее он мог уложиться в означенный период времени. Я наводил справки в нескольких чартерных компаниях, и везде мне сказали, что в хороший день — когда атмосфера спокойная, а маленький «лир», тридцать пятый или пятьдесят пятый, взлетает в

середине дня — такое путешествие занимает три часа. Или чуть дольше.

— Из Денвера в Бангор, — уточнила Стефани.

— Из Денвера в Бангор, ага... а ближе к нашей части побережья нет ни одного места, где может приземлиться одна из этих керосиносжигалок. Слишком короткие полосы, понимаешь?

Она понимала.

— Так вы связались со всеми чартерными компаниями Денвера?

— Я пытался. Удовольствия не получил. Из пяти компаний, которые использовали самолеты первой или второй модели, только в двух соизволили поговорить со мной. Ага, имели полное право не говорить. Я всего лишь газетчик из крошечного городка, расследующий случайную смерть, а не коп, ищущий убийцу. Более того, в одной из компаний мне сказали, что неправильно проверять только БАО, самолеты которых приписаны к Стэплтону...

— Что такое БАО?

— Базовые авиационные операторы, — ответил Винс. — Фрахт самолетов — лишь одно направление их деятельности. Они получают разрешения, обеспечивают работу маленьких терминалов для пассажиров частных самолетов, продают запчасти, проводят техническое обслуживание, ремонтируют самолеты. Во многих БАО можно пройти таможенную, купить альтиметр, если твой сломался, поспать во-

семь часов в комнате отдыха, если вышло время, которое разрешено проводить за штурвалом. Одни БАО — скажем, «Сигнече эйр» — крупные сетевые предприятия вроде «Холидей инн» или «Макдоналдс». Другие — совсем крошечные, могут похвастать только торговым автоматом в офисе и флюгером на взлетно-посадочной полосе.

— Вы провели журналистское расследование! — Рассказ Винса произвел впечатление на Стефани.

— Ага, и узнал, что не только колорадские пилоты и колорадские самолеты использовали Стэптон или другие колорадские аэропорты. Принципиально с тех пор ничего не изменилось. К примеру, самолет БАО из Ла-Гардиа в Нью-Йорке мог прилететь в Денвер с пассажирами, которые собирались провести месяц в Колорадо, навещая родственников. Пилоты будут искать в аэропорту желающих попасть в Нью-Йорк, чтобы не лететь порожняком.

— Или они могли заранее договориться с какими-то пассажирами, чтобы забрать их обратным рейсом, — добавил Дейв. — Причем все это происходило до эры компьютеров. Понимаешь, Стефф?

Она понимала. Поняла и кое-что еще.

— То есть запись о полете мистера Когана могла храниться в архивах «Эйр игл» из Нью-Йорка.

— Или «Эйр игл» из Монпелье, штат Вермонт, — добавил Винс.

— Или «Джаст даки джетс» из Вашингтона, округ Колумбия, — вставил Дейв.

— А если Коган расплатился наличными, — добавил Винс, — тогда такой записи могло не быть вовсе.

— Но, конечно же, все эти компании...

— Да, мэм, — кивнул Дейв. — Конечно же, их все проверяли, начиная с ФУГА* и заканчивая налоговиками. Как же можно обойтись без ФУГА? Но когда расплачиваются наличными, никаких бумаг зачастую не остается. Помнишь Хелен Хафнер?

Разумеется, она помнила. Их официантка в «Серой чайке». Сын которой недавно упал из шалаша на дереве и сломал руку. Винс еще сказал о деньгах, которые сунул в карман Хелен: *Дядю Сэма не должно волновать то, о чем он не знает.* А Дейв добавил: *Именно так ведет бизнес Америка.*

Стефани полагала, что так оно и есть, но из-за этого способа ведения бизнеса в подобном расследовании возникали неразрешимые проблемы.

— Значит, вы не знаете, — сделала вывод Стефани. — Сделали что могли, но не знаете.

* ФУГА — Федеральное управление гражданской авиации.

На лице Винса отразилось изумление, а потом он заулыбался.

— Я думаю, Стефани, человеку не дано знать наверняка, сделал ли он все, что мог. Скорее, большинство из нас приговорено — черт, даже обречено — думать, что мы могли сделать чуточку больше, даже когда нам удастся заполучить то, к чему мы так страстно стремились. Но ты не права — я знаю. Он зафрахтовал самолет в Стэплтоне. Только так — и не иначе.

— Но вы сказали...

Он наклонился вперед над сцепленными руками, глядя ей в глаза.

— Слушай внимательно и учись, дорогуша. Я очень давно читал рассказы про Шерлока Холмса, поэтому процитировать не берусь, но в какой-то момент великий детектив сказал доктору Ватсону примерно следующее: «Когда исключишь невозможное, то, что остается — *каким бы невероятным оно ни казалось*, — и есть ответ». Мы точно знаем, что Парень из Колорадо утром в среду находился в Денвере, в офисном здании, где работал, до четверти или двадцати минут одиннадцатого. И мы до определенной степени уверены, что он находился в «Дженс» в половине шестого. Подними пальцы, как ты это делала, Стефани.

Она подняла: левый указательный — Парень в Колорадо, правый указательный — Джеймс Коган в Мэне. Винс расцепил руки и коснулся правого пальца Стефани своим. Старость встретилась с молодостью.

— Но мы не можем назвать этот палец половиной шестого, — добавил он. — Мы не можем полностью доверять девушке за прилавком, которая, конечно, не сбивалась с ног, как это случается в июле, но дел ей все равно хватало, учитывая, что было время ужина и все такое.

Стефани кивнула. В этой части света ужинали рано. Обед — здесь это слово произносили скорее как «обе-е-с-д» — приходился на полдень, и очень часто его съедали на палубе рыбацких шхун, добывавших лобстеров.

— Давай считать, что этот палец — шесть часов, — уточнил Винс. — Время отправления последнего парома.

Она снова кивнула.

— Потому что только на нем он мог добраться до острова.

— Если не переплыл пролив, — вставил Дейв.

— Или не нанял лодку, — предположила она.

— Мы спрашивали, — сказал Дейв. — И что более важно, мы спросили Гарда Эдвика, работавшего паромщиком весной восьмидесятого года.

*Коган принес паромщику чай? — внезапно зада-
лась вопросом Стефани. Потому что ты должен
принести чай рулевому, если хочешь прокатиться на
пароме. Вы сами это сказали, Дейв. Или паромщик
и рулевой — разные люди?*

— Стефф? — В голосе Винса послышалась тре-
вога. — Ты в порядке, дорогуша?

— Все прекрасно, а что?

— Ты выглядела... Ну, не знаю, словно наткну-
лась на что-то странное.

— Так оно и есть. Это же странная история. —
А потом она добавила: — Только это совсем не
история, тут вы правы, и если я наткнулась на что-
то странное, то, полагаю, причина в этом. Все рав-
но что пытаться проехать на велосипеде по натя-
нутому канату, которого нет. — Стефани замялась,
но решила продолжить и выставить себя полной
дурой. — Мистер Эдвик вспомнил, что Коган что-
то ему принес? Он же принес чай для рулевого?

Какое-то время оба молчали. Разглядывали ее
непроницаемыми глазами — на удивление моло-
дыми и ребяческими на их старческих лицах, —
и она подумала, что сейчас засмеется, или заплачет,
или что-то сделает, может, даже что-то разобьет,
лишь бы избавиться от тревоги и нарастающей убе-
жденности, что ей таки удалось выставить себя на
посмешище.

— К вечеру похолодало, — заговорил Винс. — Кто-то — мужчина — принес в рубку бумажный стаканчик с кофе и протянул Гарду. Они перекинулись парой слов. Дело было в апреле, не забывая, так что уже смеркалось. Мужчина сказал: «Спокойно идем». И Гард ответил: «Ага». Потом мужчина сказал: «Долго сюда добираться». Или: «Я долго сюда добирался». По словам Гарда, он мог даже сказать: «*Токья* долго сюда добирался». И ведь есть такая фамилия. В телефонном справочнике Тиннока она отсутствует, но в нескольких других я ее нашел.

— Коган был в зеленой куртке или в пальто?

— Стефф, — ответил ей Винс, — Гард не только не запомнил, был ли мужчина в пальто или без. Вероятно, даже на суде под присягой Гард не смог бы сказать, стоял ли тот на своих двоих или сидел на лошади. Уже темнело, это первое. По прошествии полутора лет вспомнились только доброе дело и несколько слов, это второе. Что же касается третьего... Старина Гард, знаешь ли... — И он щелкнул себя по горлу.

— О мертвых или хорошо, или ничего, но этот человек пил как долбаный сапожник, — добавил Дейв. — В восемьдесят пятом Гарда выгнали из паромщиков, но город посадил его на снегоуборочную машину, чтобы семья не голодала. У него было пятеро детей, знаешь ли, и жена с рассеянным

склерозом. Но он разбил снегоуборочную машину, отправившись чистить Мэйн-стрит пьяным, да так, что долбаное электричество вырубилось на долбаную неделю в феврале, извини за мой долбаный французский. Тогда он потерял и эту работу, после чего жил на пособие от города. Удивлен ли я, что он не запомнил больше? Нет, ничуть. Но вот в чем я убежден исходя из того, что он запомнил: в тот день Парень из Колорадо прибыл на остров с материка на последнем пароме, и ага, он принес чай для рулевого или эквивалент этого самого чая. Ты молодец, что это запомнила, Стефф. — И он хлопал ее по руке. Она изумленно ему улыбнулась.

— Как ты правильно отметила, — возобновил рассказ Винс, — надо учитывать двухчасовую разницу во времени. — Он придвинул ее левый указательный палец к правому. — В четверть первого, по времени восточного побережья, Коган покидает свой офис. И от его беспечного повседневного поведения не остается и следа, едва двери лифта открываются в вестибюле здания. *В ту самую секунду.* Он выскакивает на улицу и несется к тому месту, где его ждет быстрый автомобиль — с не менее быстрым водителем.

— Через полчаса он у терминала одного из стэплтонских БАО, еще через пять минут поднимается на борт зафрахтованного реактивного самолета. Все это он проделывает вовсе не импульсивно,

полагаясь на случай. Так не получится. Есть люди, которые достаточно регулярно летают куда-то на таких самолетах и остаются на пару недель. Пилоты, доставляющие их в пункт назначения, эти две недели возят кого-то еще. Наш парень вполне мог договориться с пилотом одного из таких самолетов и практически наверняка заплатил наличными, чтобы улететь с ним на восток.

— А как бы он поступил, если бы люди, которые собирались прилететь на этом самолете в Колорадо, в последний момент отменили бы свой заказ?

Дейв пожал плечами.

— Так же, как и в случае нелетной погоды, полагаю. Перенес все на другой день.

Винс тем временем еще приблизил левый указательный палец Стефани к правому.

— На восточном побережье скоро час полудни, но нашему другу Когану, по крайней мере, нет нужды тревожиться из-за повышенных мер безопасности, потому что на дворе восьмидесятый год, а рейс чартерный. И мы должны предположить — опять, — что ему не приходится стоять в очереди среди других самолетов на взлетной полосе, поскольку очередь ломает жесткий график, которому он следует, а на другом конце пути... — он коснулся правого указательного пальца, — паром ждать не будет. Последний в тот день.

— Итак, полет длится три часа. Нам приходится из этого исходить. Мой коллега заглядывал в Интернет, жить без него не может, и он говорит, что погода в тот день была благоприятная. И ветер тоже...

— Но с какой *именно* силой он дул, узнать мне так и не удалось, — уточнил Дейв. Посмотрел на Винса. — Учитывая другие неясности в этом расследовании, возможно, это не столь важно.

— Мы скажем — три часа, — повторил Винс и сдвинул левый палец (который Стефани уже окрестила пальцем Парня из Колорадо) так, чтобы он оказался менее чем в двух дюймах от правого (олицетворявшего Джеймса Почти-Мертвого Когана). — Полет не мог продолжаться намного дольше.

— Потому что факты этого не допускают, — пробормотала Стефани, зачарованная (и, если честно, немного испуганная) этой идеей. Однажды, в старших классах, она прочитала научно-фантастический роман «Луна — суровая хозяйка». Стефани не знала насчет Луны, но в суровости времени сомнений не возникало.

— Да, мэм, не допускают, — согласился Винс. — В четыре часа или в четыре ноль пять — будем исходить из последнего — самолет Когана приземляется, и он попадает в терминал «Твин сити сивил эйр», единственного в то время БАО в международном аэропорту Бангора...

— Остались документальные свидетельства его прибытия? Вы проверяли? — спросила она, зная, что проверял, естественно, проверял, а также зная, что результатов проверка не дала. Это была такая история. Словно хочешь чихнуть, но все никак.

Винс улыбнулся:

— Конечно, проверял, но в те беззаботные дни, до Министерства внутренней безопасности, если в «Твин сити» и тратили время на документы, то лишь на бухгалтерские. В тот день они много раз получали наличные, включая приличную сумму, выплаченную за заправку во второй половине дня, но все это ровным счетом ничего не значило. Насколько нам известно, те, кто доставил Парня в Бангор, могли провести ночь в отеле Бангора и улететь следующим утром...

— Или провести в Бангоре выходные, — вставил Дейв. — Опять же, пилот мог улететь сразу, без дозаправки.

— Как такое могло быть? — спросила Стефани. — Он же прибыл из Денвера.

— Мог махнуть в Портленд и заправиться там, — ответил Дейв.

— Но зачем?

Дейв улыбнулся. Его лицо, обычно открытое и глуповато-честное, вдруг стало хитрым, как у лиса. Теперь Стефани осознала, что за пухлой, мальчи-

шеской внешностью скрывался ум, такой же рациональный и быстрый, как у Винса Тига.

— Коган мог заплатить за это мистеру Денверскому Летуну, потому что не хотел оставлять бумажный след, — ответил Дейв. — А мистер Денверский Летун не возражал против того, чтобы выполнить любую разумную просьбу при условии, что ему за это хорошо заплатят.

— Что же касается Парня из Колорадо, — вернулся к главному Винс, — то у него оставалось два часа, чтобы добраться до Тиннока, купить в «Дженс» рыбную корзинку с картофелем, сесть за столик, съесть все, глядя на воду, а потом успеть на последний паром на Лосиный остров. — Произнося эти слова, он придвигал левый указательный палец Стефани к правому, пока они не соприкоснулись.

Стефани зачарованно смотрела на пальцы.

— Он мог это сделать?

— При условии, что нигде не терял ни минуты. — Дейв вздохнул. — Я бы в это никогда не поверил, если бы в четверг утром его не нашли на пляже Хэммока. А ты, Винс?

— Никогда, — без малейшей запинки ответил Винс.

— В радиусе десятка миль от Тиннока есть четыре грунтовые взлетно-посадочные полосы, — добавил Дейв. — Все — сезонные. Зарабатывают тем, что летом возят туристов на осмотр достоприме-

чательностей, а осенью — любоваться многоцветьем листвы, пусть только пару недель. Мы проверили их, подумав, а вдруг Коган зафрахтовал в Бангоре второй самолет, маленький, скажем, «пайпер каб», чтобы долететь из Бангора до побережья.

— Как я понимаю, и тут ничего.

— Ты понимаешь правильно, — ответил Винс, и его улыбка была скорее грустной, а не хитрой. — После того как двери лифта закрылись за Коганом в денверском офисном здании, вся эта история — тени, за которые не ухватишься... и один труп.

— Три взлетно-посадочные полосы в апреле не работали до начала сезона, так что самолет мог приземлиться на любой, и никто бы об этом не узнал. Рядом с четвертой жила Мейси Харрингтон, с отцом и шестью десятками дворняг, которая заявила, что с октября семьдесят девятого по май восьмидесятого ни один самолет на ее полосу не садился, но пахло от нее как от винокурни, и я сомневался, что она помнила о событиях недельной давности, не говоря уже о том, что случилось полтора года тому назад.

— А ее отец? — спросила Стефани.

— Слепой одноногий диабетик, — ответил Дейв.

— Ух, — вырвалось у нее.

— Ага.

— Давайте забудем про Джека и Мейси Харрингтонов, — нетерпеливо бросил Винс. — Я никог-

да не верил в версию второго самолета в истории Когана, как не верил в версию второго стрелка в убийстве Кеннеди. Если автомобиль ждал Когана в Денвере — а я не вижу иного варианта, — то другой вполне мог ждать его в аэропорту Бангора. И я уверен, что ждал.

— Очень уж притянута за уши. — Насмешки в голосе Дейва не слышалось — только сомнение.

— Возможно, — убежденность Винса это сомнение не поколебало, — но когда отбрасываешь невозможное, что бы ни осталось... это твой щенок, скребется в дверь, чтобы его впустили.

— Он мог сам сесть за руль, — предположила Стефани.

— Взять автомобиль напрокат? — Дейв покачал головой. — Я так не думаю, дорогуша. Прокатные агентства берут только кредитные карточки, а они оставляют след.

— А кроме того, — подхватил Винс, — Коган не ориентировался ни в восточном, ни в прибрежном Мэне. Насколько нам удалось выяснить, никогда не бывал в наших краях. Ты уже знаешь, какие здесь дороги, Стеффи. Из Бангора в Эллсуорт идет одна — шоссе, но уже из Эллсуорта можно выбрать три или четыре маршрута, и приезжий, даже с картой, скорее всего, собьется с пути. Нет, я думаю, Дейв прав. Если Парень намеревался добраться до Тиннока на автомобиле, если заранее знал жест-

кость временных рамок, он, конечно, предпочел бы вариант с автомобилем и водителем, которые будут ждать в аэропорту. Ему требовался человек, готовый работать за наличные, умеющий ездить быстро и знающий здешние дороги как свои пять пальцев.

Стефани на какое-то время задумалась. Старички ей не мешали.

— Три наемных водителя, — наконец прервала она паузу. — Только второй не за рулем, а за штурвалом реактивного самолета.

— А может, и со вторым пилотом, — тихо отметил Дейв. — Таковы, во всяком случае, правила.

— Бредовая какая-то история.

Винс со вздохом кивнул:

— Согласен целиком и полностью.

— И вы не нашли ни одного из этих водителей?

— Нет.

Она вновь задумалась, на этот раз наклонив голову и наморщив обычно гладкий лоб. Старички опять не прерывали ход ее мыслей, и минуты через две Стефани подняла глаза.

— Но *почему*? Что такого важного заставило Когана все это наворотить?

Винс Тиг и Дейв Боуи переглянулись, потом вновь посмотрели на нее.

— Это хороший вопрос, — заметил Винс.

— Глыба-вопрос, — кивнул Дейв.

— *Главный* вопрос, — согласился Винс.

— Естественно. И всегда был.

А потом Винс мягко ответил:

— Мы не знаем, Стефани. Никогда не знали.

И Дейв добавил, еще мягче:

— «Бостон глоуб» эта история не понравилась бы. Нет, никоим образом не понравилась бы.

Глава 17

— Разумеется, мы — не «Бостон глоуб», — продолжил Винс. — Мы даже не бангорская «Дейли ньюс». Но, Стефани, когда взрослый — мужчина или женщина — вырывается из привычной колеи, любой газетчик, что из большого города, что из маленького, начинает искать причины. Независимо от результата, будь то массовое отравление на пикнике, устроенном методистской церковью, или всем довольный мужчина, который исчезает утром буднего дня и больше его живым никто не видит. А теперь — забыв на время о том, где он появился, или о вероятности его появления там, — скажи мне, по каким причинам он мог так поступить. Перечисляй, пока я не увижу как минимум четыре поднятых пальца.

Учеба в разгаре, подумала Стефани, а потом вспомнила фразу, которую месяцем раньше мимоходом бросил Винс: Чтобы добиться успеха в газетном бизнесе, не так уж плохо иметь извращенный

ум, *дорогуша*. Тогда она сочла эти слова странными, может, даже граничащими со старческим маразмом. Теперь решила, что начала понимать.

— Секс. — Стефани подняла левый указательный палец, который олицетворял Парня из Колорадо. — То есть другая женщина, — подняла второй палец. — Денежные проблемы. Я думаю, долг или кража.

— Не забудь еще департамент налогов и сборов, — добавил Дейв. — Люди иногда кидаются в бега, осознав, что в долгу у дяди Сэма.

— Она не знает, какими страшными могут быть налоговики, — ответил ему Винс. — Нельзя ее в этом винить. А кроме того, по словам жены, у Когана никаких проблем с налогами не было. Продолжай, Стеффи, начало хорошее.

Пока она еще не могла поднять требуемое число пальцев, но с третьим уже определилась.

— Стремление начать новую жизнь? — сказала Стефани с сомнением, обращаясь скорее к себе, чем к ним. — Просто... Ну, не знаю... Оборвать прежние связи и начать все заново под другим именем и в другом месте? — И тут же у нее в голове сверкнула еще одна идея. — Безумие? — Она подняла четыре пальца, как и требовалось: секс, деньги, жажда перемен, безумие. С сомнением посмотрела на последние два. — Может, жажда перемен и безумие — одно и то же.

— Может, и так, — ответил Винс. — Наверное, тут можно поспорить, сказав, что безумие включает все дурные привычки, от которых люди пытаются убежать. Такое бегство иногда называют «лечение географией». Думаю, это лечение особо подходит для наркоманов и алкоголиков. Азартные игры — еще одна привычка, которую люди могут попытаться лечить географией, но эту проблему лучше отнести к деньгам.

— У него развилась алкогольная или наркотическая зависимость?

— Арла Коган говорила, что нет, и я уверен, будь иначе — она бы знала. После шестнадцати месяцев раздумий, учитывая, что он умер, думаю, она бы мне сказала.

— Но, Стеффи, — мягко вмешался Дейв, — когда вникаешь во все это, вроде бы понимаешь, что без толики безумия точно не обошлось, правда?

Стефани подумала о Джеймсе Когане, Парне из Колорадо, мертвце с пляжа Хэммока, который сидел с закрытыми глазами лицом к Тинноку и материку, привалившись спиной к мусорному баку, с куском мяса, застрявшим в горле. Подумала о скрюченных пальцах одной руки, еще державших остаток полуночной трапезы, кусок стейка, безусловно, украденный какой-то голодной чайкой, так что от него остались только пятна жира, к которым прилип песок.

— Да, — кивнула она, — что-то безумное в этом есть. *Она* знала об этом? Его жена?

Старики переглянулись. Винс вздохнул и потеряло крыло тощего носа.

— Возможно, но к тому времени Арлу больше заботила собственная жизнь, Стеффи. Ее и сына. Если мужчина вот так исчезает, его женщине приходится ой как нелегко. Арла пошла работать, вернулась на прежнее место в один из банков Боулдера, но, разумеется, не смогла сохранить дом в Нидерленде...

— «Убежище Эрнандо», — пробормотала Стефани, сочувствуя незнакомке.

— Ага, правильно. Она выстояла, не занимая очень много у своих родителей и ничего не беря у его, но потратила большую часть денег, которые они откладывали для маленького Майкла на обучение в колледже. Когда мы увидели ее, я понял, что у нее два желания, одно насущное, а второе... как бы его назвать... духовное? — Он с некоторым сомнением посмотрел на Дейва, а тот пожал плечами и кивнул, как бы говоря, что слово правильное.

Винс продолжил:

— Она хотела избавиться от неведения. Жив он или мертв? Замужем она или вдова? Пора ли отправить надежду на покой или следует еще какое-то время лелеять ее? Может, последнее звучит довольно жестоко, возможно, так оно и есть, но я

склонен думать, что после шестнадцати месяцев надежда должна тяжелой ношей давить на плечи, чертовски тяжелой, чтобы таскать ее на себе.

— Что же касается насущного, здесь все просто. Она хотела получить причитающиеся ей деньги от страховой компании. Я знаю, что Арла Коган — не единственный человек в этом мире, ненавидящий страховые компании, но по уровню ненависти я бы поставил ее в списке достаточно высоко. Она, конечно, приспособилась к новой жизни, ты понимаешь, она и Майкл, но теперь они жили в трех- или четырехкомнатной квартире в Боулдере — а это тебе не уютный дом в Нидерленде, — и ей приходилось оставлять ребенка нянькам, не зная, можно ли им полностью доверять, и идти на работу, которая была ей в тягость, ложиться в постель одной, тогда как она привыкла прижиматься к родному человеку, тревожиться из-за счетов, следить за расходом бензина, потому что его стоимость росла даже тогда... и все это время сердцем она знала, что муж мертв, но страховые компании не платят по доводам сердца. Нет тела, не говоря уже о причине смерти, — нет и страхового случая.

— Она продолжала спрашивать меня, смогут ли «эти мерзавцы» — так она их всегда называла — как-то «увильнуть», если заявят, что это самоубийство. Я сказал ей, что мне не доводилось слышать о самоубийце, который сознательно заткнул себе

дыхательное горло куском мяса. А потом, когда она формально опознала мужа по посмертной фотографии в присутствии Кэткарта, он сказал ей то же самое. И ее это немного успокоило.

— Кэткорт пошел даже дальше, сказал, что позвонит агенту страховой компании в Брайтон, штат Колорадо, и объяснит все насчет отпечатков пальцев и опознания по фотографии. Свяжет все свободные концы. Она даже расплакалась: от облегчения, от чувства благодарности и, думаю, просто от усталости.

— Само собой, — пробормотала Стефани.

— Паром доставил нас на Лосиный остров, и я поселил ее в мотеле «Красная крыша», — добавил Винс. — В том самом, где ты остановилась, когда приехала сюда, ага?

— Да, — кивнула Стефани. Последний месяц или чуть дольше она жила в пансионе, но собиралась найти что-нибудь более постоянное в октябре. Если, конечно, эти два старика оставят ее в газете. Она думала, что оставят. Думала, что по этой причине ей сейчас и рассказывали историю.

— На следующее утро мы втроем позавтракали, — подхватил Дейв, — и, как большинство людей, которые не сделали ничего плохого и не имели опыта общения с газетчиками, она открыто говорила с нами. Никаких опасений, что ее слова потом могут попасть на первую полосу. — Он по-

молчал. — Разумеется, опасаться было нечего. Это не та история, которую можно продолжать после изложения основных фактов: «Мужчина найден мертвым на пляже Хэммока. Коронер говорит: признаков насильственной смерти нет». Да и времени прошло немало.

— И нет связующей нити, — вставила Стефани.

— Нет *ничего*! — воскликнул Дейв и смеялся, пока не закашлялся. Успокоившись, вытер уголки глаз большим носовым платком с рисунком «огурцы», который достал из заднего кармана брюк.

— И что она вам рассказала? — спросила Стефани.

— Что она *могла* нам рассказать? — ответил Винс. — По большей части она задавала вопросы. Я спросил ее только об одном: *chervonetz* — это счастливая монета, или сувенир, или что-то еще? — Он фыркнул. — Показал себя тем еще газетчиком.

— *Chevro...* — Она сдалась, покачав головой.

— Русская монета в его кармане, среди пригоршни мелочи, — пояснил Винс. — *Chervonetz*. Десять рублей. Я спросил Арлу, хранил ли он ее как счастливую монету или что-то еще. Она понятия не имела. Сказала, что наиболее близко Джим познакомился с Россией, когда они смотрели фильм про Джеймса Бонда «Из России с любовью», взятый напрокат в «Блокбастере».

— Он, возможно, нашел ее на пляже, — после короткого раздумья предположила Стефани. — Люди много чего находят на пляже. — Она сама как-то раз нашла туфлю на высоком каблуке, которую порядком выгладили волны, когда гуляла по пляжу Литл-хэй, расположенному примерно в двух милях от пляжа Хэммока.

— Возможно, ага, — согласился Винс. Посмотрел на нее, его глубоко запавшие глаза весело поблескивали. — Хочешь знать, что тем утром мне запомнилось в Арле больше всего? На следующий день после ее встречи с Кэткартом в Тинноке?

— Конечно.

— Какой отдохнувшей она выглядела. И с каким аппетитом завтракала.

— Это факт, — согласился Дейв. — Есть давняя поговорка, что приговоренные к смерти съедают много, но я полагаю, что никто не может съесть больше человека, которого перед самой казнью помиловали. И в каком-то смысле Арла оказалась именно в таком положении. Она могла не знать, как его занесло в наши края или что с ним случилось после того, как он попал сюда, и я думаю, она осознавала, что может никогда не узнать...

— Так и было, — перебил его Винс. — Она сказала мне по пути в аэропорт.

— ...но теперь она знала самое важное: он мертв. Сердце-то ей об этом говорило, но разуму требовались факты, чтобы двигаться дальше.

— Не говоря о документах, чтобы убедить эту противную страховую компанию, — добавил Дейв.

— Она получила деньги? — спросила Стефани.

Дейв улыбнулся:

— Да, мэм. Они потянули резину — эти ребята такие шустрые, когда им платят деньги, и такие медлительные, когда платят сами, — но в конце концов они заплатили. Мы получили от нее письмо, в котором она благодарила нас за неоценимую помощь. По ее словам, если бы не мы, она бы так ничего и не знала, а страховая компания по-прежнему заявляла бы, что Джеймс Коган живет где-то в Бруклине или Танжере.

— И какие вопросы она задавала?

— Предсказуемые, — ответил Винс. — Первым делом спросила, куда он пошел, сойдя с парома. Мы ей ответить не смогли. Мы наводили справки... Правда, Дейв?

Дейв Боуи кивнул.

— Никто не запомнил его, — продолжил Винс. — Разумеется, к прибытию парома практически стемнело, так что никто и не должен был. Что касается других пассажиров — в это время года считанных, учитывая, что паром был последним, —

то они, подняв воротники от дувшего с пролива ветра, направились напрямик к своим автомобилям, которые дожидались на стоянке на Бэй-стрит.

— И она спросила насчет бумажника, — добавил Дейв. — Мы могли лишь сказать, что его никто не нашел... во всяком случае, не передал в полицию. Думаю, вполне возможно, кто-то вытащил бумажник у него из кармана на пароме, наличные оставил себе, а сам бумажник отправил за борт.

— Возможно, что и на небесах есть родео, но вряд ли, — сухо ответил Винс. — Если он держал деньги в бумажнике, почему часть — семнадцать долларов купюрами — обнаружилась в карманах его брюк?

— На всякий случай, — предположила Стефани.

— Возможно, — кивнул Винс, — но я в это не верю. И откровенно говоря, карманник, работающий на шестичасовом пароме между Тинноком и Лосиным островом, кажется мне еще более эксцентричным типом, чем художник рекламного агентства в Денвере, фрахтующий самолет, чтобы добраться до Новой Англии.

— В любом случае мы не могли сказать ей, куда подевался бумажник, — подвел черту Дейв, — или куда подевались пиджак и пальто, или почему его нашли сидящим на пляже, спиной к мусорному баку, в брюках и рубашке.

— Сигареты? — спросила Стефани. — Готова спорить, они ее заинтересовали.

Винс коротко хохотнул:

— Заинтересовали — не то слово. Пачка сигарет чуть не свела ее с ума. Она не могла понять, откуда у него взялись сигареты. И мы и без нее знали, что он не из тех, кто на какое-то время бросил курить, а потом вернулся к этой вредной привычке. Кэткарт при вскрытии внимательно осмотрел его легкие. По причине, которая тебе, конечно же, понятна...

— Хотел убедиться, что его все-таки не утопили? — спросила Стефани.

— Совершенно верно, — ответил Винс.

— Если бы доктор Кэткарт нашел воду в легких под куском мяса, из этого следовало бы, что кто-то пытался скрыть истинную причину смерти мистера Когана. Вода если не доказывала убийство, то хотя бы предполагала такой вариант. Кэткарт не нашел воды в легких Когана, как не нашел и свидетельств его пристрастия к курению. Чистые и розовые легкие, так он сказал. Тем не менее по пути от офисного здания, где работал Коган, до аэропорта Стэйплтон, несмотря на спешку и жесткие временные ограничения, он велел водителю остановиться, чтобы купить пачку сигарет. Или так, или пачка уже лежала у него в кармане, что пред-

ставляется мне более предпочтительным. Возможно, вместе с русской монетой.

— Вы сказали ей об этом? — спросила Стефани.

— Нет, — ответил Винс, и тут зазвонил телефон. — Извините. — И он пошел отвечать на звонок.

Поговорил быстро, пару-тройку раз сказал «ага», потом вернулся, разминая спину.

— Это Эллен Данвуди. Готова сообщить мне о сильнейшей душевной травме, которую получила, сбив этот пожарный гидрант и «превратив себя в посмешище». В точности ее слова, хотя не уверен, что они появятся в моем ярком, как сама жизнь, описании этого события. В любом случае, думаю, мне пора ее навестить. Пока воспоминания свежие и пока она не начала готовить ужин. Мне повезло, поскольку они с сестрой едят поздно. Иначе удача отвернулась бы от меня.

— А мне надо заняться счетами, — тут же вспомнил Дейв. — Похоже, с того момента, как мы отправились в «Чайку», появилась дюжина новых. Готов поклясться, если оставляешь их одних на столе, они плодятся.

Стефани с неприкрытой тревогой переводила взгляд с одного на другого.

— Вы не можете так поступить. Не можете оставить меня в подвешенном состоянии.

— Выбора нет, — мягко ответил Винс. — Мы подвешены уже двадцать пять лет, Стеффи, и в этой истории нет брошенной секретарши.

— Как нет и огней Элсуорта, отражающихся от облаков, — добавил Дейв. — Нет даже Теодора Рипоно, бедного старого моряка, убитого за гипотетический пиратский клад и оставленного умирать на палубе в луже собственной крови, тогда как тела всех остальных членов команды покидали за борт... И почему? Как предупреждение потенциальным охотникам за сокровищами, клянусь богом! Вот где связующая нить, дорогуша!

Дейв улыбнулся... Но потом улыбка поблекла.

— В деле Парня из Колорадо ничего такого нет. Нет нитки для бусин, ты это видишь, и нет Шерлока Холмса или Эллери Куина, чтобы нанизать их на эту нитку. Есть только двое мужчин, издающих газету, в которую каждую неделю необходимо писать сотню статей. Ни одна из них не дотягивает до стандартов «Бостон глоуб», но живущие на острове тем не менее читают их с удовольствием. И раз зашла речь о статьях, не собиралась ли ты поговорить с Сэмом Жернером? Выяснить все подробности знаменитого катания на возу сена, танцев и пикника?

— Я собиралась... собираюсь... и *хочу*! Вы это понимаете? Что я и *впрямь* хочу поговорить с ним об этой дурацкой затее?

Винс Тиг расхохотался, Дейв присоединился к нему.

— Ага, — выдавил из себя Винс, когда к нему вернулся дар речи. — Не знаю, что скажет декан твоего факультета журналистики, Стеффи, может, его начнет трясти, и он заплачет, но я знаю, что ты хочешь. — Он посмотрел на Дейва. — *Мы* знаем, что ты хочешь.

— И я знаю, что вам есть чем заняться, но у вас должны быть какие-то *идеи*... какие-то *версии*... после стольких лет... — Она жалобно смотрела на них. — Я хочу сказать... Ведь есть?

Они переглянулись, и вновь она почувствовала связавший их телепатический мост, но на этот раз понятия не имела, какими они обменялись мыслями. Потом Дейв посмотрел на нее.

— А что ты хочешь знать, Стефани? Скажи нам.

Глава 18

— Вы думаете, его убили? — Именно это Стефани не терпелось узнать. Ей предложили отставить в эту идею сторону, и она послушалась, но теперь разговор о Парне из Колорадо, можно сказать, закруглялся, и она подумала, что ей позволят вернуться к этому моменту.

— Почему ты думаешь, что речь идет не о случайной смерти, учитывая все, что мы тебе рассказали? — спросил Дейв. В его голосе слышалось искреннее любопытство.

— Сигареты. Он сознательно положил пачку в карман. Просто не думал, что пройдет чуть ли не полтора года, прежде чем кто-то обратит внимание на акцизную марку штата Колорадо. Коган не сомневался, что для опознания человека, найденного мертвым на берегу, приложат гораздо больше усилий, чем приложили на самом деле.

— Да. — Винс говорил тихим голосом, но при этом сжал кулак и потряс им, словно болельщик,

приветствующий игрока, принесшего победу или точно ударившего по мячу. — Хорошая девочка. Хорошая работа.

В свои двадцать два Стефани, случалось, сердилась на некоторых людей, когда те ее называли девочкой. Но это не относилось к девяностолетнему старику с редющими седыми волосами, узким лицом и пронзительным взглядом синих глаз. Если честно, она покраснела от удовольствия.

— Он не мог знать, что расследованием его смерти займется пара чурбанов, таких как О'Шенни и Моррисон, — вздохнул Дейв. — Он не мог знать, что судьба его опознания окажется в руках выпускника колледжа, который два месяца только и слышал, что подай-принеси, да двух парней, выпускающих еженедельник, лишь на шаг опережающий бесплатные рекламные газетенки, какие раздают в супермаркетах.

— Придержи язык, брат, — осадил его Винс. — Не наезжай. — И он с улыбкой поднял костлявые кулаки.

— Я думаю, он все сделал правильно, — сказала Стефани. — Если посмотреть, как все закончилось, он все сделал правильно. — А потом, вспомнив женщину и малыша Майкла (которому теперь перевалило за двадцать пять), добавила: — И она тоже. Но без Пола Дивейна и вас двоих Арла Коган никогда не получила бы страховку.

— Толика правды в этом есть, — признал Винс. Стефани позабавило, что от ее слов ему стало не по себе. Не потому, что он поступил хорошо, подумала она. Нет, причина смущения заключалась в другом: кто-то *узнал*, что он сделал что-то хорошее. Они пользовались Интернетом, спутниковые антенны были в каждом доме, ни одна рыбацкая шхуна не выходила в море без GPS-приемника. Но идеи кальвинизма не сдавались. *Пусть твоя левая рука не знает, что делает правая.*

— Так что именно, по-вашему, случилось? — спросила Стефани.

— Нет, Стеффи, — по-доброму, но твердо ответил Винс. — Ты все еще ждешь, что из стенного шкафа выплывет Рекс Стаут или Эллери Куин под руку с мисс Джейн Марпл. Если бы мы знали, что случилось, если бы у нас возникли какие-то идеи, мы бы приложили все силы, чтобы докопаться до сути. И напечатали бы все, что нарыли, не в «Бостон глоуб», а на первой полосе нашего «Островного еженедельника». В восемьдесят первом мы были редакторами маленькой газеты — и сейчас мы *старые* редакторы маленькой газеты, но мы не *мертвые* редакторы маленькой газеты. И сама идея сенсации до сих пор представляется мне привлекательной.

— Мне тоже, — поддержал его Дейв. Он уже поднялся, вероятно, думая о счетах, но теперь вновь

устроился на краешке стола, покачивая ногой. — Я всегда мечтал о том, что мы опубликуем статью, которая потом будет перепечатана по всей стране, и с этой мечтой я, похоже, умру. Давай, Винс, расскажи ей, что мы об этом думаем. Она все оставит при себе. Теперь она одна из нас.

Стефани вздрогнула от удовольствия, но Винс Тиг словно и не заметил этого, всмотрелся в ее голубые глаза своими более темными, цвета океана в солнечный день.

— Хорошо, — кивнул он. — Я заподозрил, что с его смертью не все чисто, равно как и с его появлением здесь, задолго до того, как прояснилась ситуация с этой акцизной маркой. А вопросы себе начал задавать, осознав, что в пачке отсутствует только одна сигарета, хотя он пробыл на острове живым не меньше шести с половиной часов. Поэтому зачастил в газетный киоск «Бэйсайд ньюс».

У Винса эти воспоминания вызвали улыбку.

— Фотографию Когана я показывал всем, включая уборщика. Я не сомневался, что сигареты он купил там, если только не воспользовался торговым автоматом в «Красной крыше», или в «Шаффлинн», или на автозаправочной станции «Суноко Сонни». Исходил из того, что у него закончились сигареты, пока он, сойдя с парома, прогуливался по Музи-Виллидж, и ему пришлось купить новую

пачку. Еще исходил из того, что в киоске «Бэйсайд ньюс» он купил сигареты незадолго до одиннадцати вечера. Потому что в одиннадцать киоск закрывался. Это объясняло, почему он выкурил только одну сигарету и, соответственно, лишь раз чиркнул спичкой до того, как умер.

— Но потом выяснилось, что он не курильщик, — вставила Стефани.

— Совершенно верно. Это сказала его жена, а Кэткорт подтвердил. И потом у меня появилась уверенность, что пачка сигарет — сообщение. *Я приехал из Колорадо, ищите меня там.*

— Наверняка мы этого не знали, но оба чувствовали, что таково предназначение пачки, — добавил Дейв.

— *Го-о-споди*, — выдохнула Стефани. — И куда вас это привело?

Вновь они переглянулись и одинаково пожали плечами.

— В страну теней и лунного света, — ответил Винс. — Другими словами, в места, куда никогда не заглядывал ни один журналист из «Бостон глоуб». Но кое в чем я абсолютно уверен. Хочешь услышать, в чем именно?

— Да!

Винс говорил медленно, но уверенно, как человек, на ощупь пробирающийся по темному коридору, где ему доводилось бывать не раз и не два.

— Он знал, что ситуация у него отчаянная, и знал, что может умереть неопознанным. Он не хотел, чтобы такое случилось, скорее всего, потому, что волновался из-за жены, которая могла остаться без средств к существованию.

— Поэтому он купил сигареты в надежде, что на них не обратят внимания, — вырвалось у Стефани.

Винс кивнул:

— Ага, и их проглядели.

— Но *кто* проглядел?

Винс помолчал, а потом продолжил, не отвечая на ее вопрос:

— Он спустился на лифте, пересек вестибюль офисного здания, в котором работал. То ли перед зданием, то ли за углом его уже ждал автомобиль, чтобы доставить в аэропорт Стэплтон. Возможно, в автомобиле ехали только он и водитель. Возможно, кто-то еще. Этого мы никогда не узнаем. Чуть раньше ты спросила, вышел ли Коган из здания в пальто, и я ответил, что Джордж-Художник этого не помнил, но Арла сказала, что больше этого пальто не видела, то есть он, вероятно, вышел в пальто. Даже если и так, он снял пальто в автомобиле или в самолете. Я думаю, пиджак он тоже снял. Думаю, кто-то дал ему зеленую куртку, чтобы надеть вместо пиджака или пальто, или она просто ждала его.

— В автомобиле или в самолете.

— Ага, — кивнул Дейв.

— Сигареты?

— Точно не знаю, но если бы пришлось делать ставку, я бы поставил на то, что сигареты были при нем, — ответил Дейв. — Он знал, что его ждет... чем бы это ни было. Думаю, пачка уже лежала в брючном кармане.

— Потом, позже, на берегу... — Она увидела Когана, Парня из Колорадо, каким нарисовало его воображение, закуривающего первую в жизни сигарету — первую и последнюю — и неспешно шагающего вдоль кромки воды по пляжу Хэммока в одиночестве под лунным светом. Полуночным лунным светом. Он один раз затягивается раздражающим, неприятным дымом. Может, два. Бросает недокуренную сигарету в воду. Потом... что?

Что?

— Самолет высадил его в Бангоре, — услышала она собственный голос, хриплый и незнакомый.

— Ага, — согласился Дейв.

— И водитель привез из Бангора в Тиннок.

— Ага, — согласился Винс.

— Он поел рыбу с картофелем фри.

— Это точно. — Опять Винс. — Вскрытие это подтвердило. Как и мой нос. Я уловил запах укуса.

— К тому времени он уже расстался с бумажником?

— Мы не знаем, — ответил Дейв. — И никогда не узнаем. Но я думаю, что да. Я думаю, он отдал бумажник вместе с пальто, пиджаком и прежней нормальной жизнью. Я думаю, взамен он получил зеленую куртку, которую через какое-то время тоже пришлось отдать.

— Или ее сняли уже с трупа, — вставил Винс.

По телу Стефани пробежала дрожь. Она не смогла ее сдержать.

— Он приезжает на Лосиный остров на шестичасовом пароме, по пути приносит Гарду Эдвику бумажный стаканчик кофе... который можно считать чаем для рулевого или паромщика.

— Да, — кивнул Дейв. Он выглядел очень серьезным.

— К тому времени он остался без бумажника и удостоверения личности, располагал только семнадцатью долларами в купюрах, мелочью и, возможно, русской десятирублевой монетой. Вы думаете, эта монета могла быть... Ох, ну не знаю... служить паролем, как в шпионских романах? Я хочу сказать, холодная война между Россией и Соединенными Штатами тогда продолжалась?

— Была в самом разгаре, — ответил Винс. — Но, Стеффи... Будь ты русским секретным агентом,

стала бы ты использовать *рубль* в качестве визитной карточки?

— Нет, — признала она. — Но по какой еще причине она у него оказалась? Чтобы кому-то показать — больше я ничего придумать не могу.

— Я всегда интуитивно чувствовал, что кто-то ее ему дал, — высказал свою версию Дейв. — Может, вместе с холодным стейком, завернутым в фольгу.

— Зачем? — спросила она. — Зачем ему ее дали? Дейв покачал головой:

— Я не знаю.

— А фольгу нашли? Может, ветер отнес ее к дальней кромке пляжа?

— О'Шенни и Моррисон, конечно, ее не искали, — ответил Дейв. — Мы с Винсом прочесали пляж Хэммок в том месте после того, как сняли желтую ленту. Искали не только фольгу, ты понимаешь, но и все, что могло иметь отношение к мертвецу, все, что угодно. Не нашли ничего, кроме обычного мусора. Обертки от сладостей и все такое.

— Если мясо было в фольге или полиэтиленовом пакете, Парень мог швырнуть обертку в воду вместе с единственной сигаретой, — заметил Винс.

— А кусок мяса в дыхательном горле...

Винс чуть улыбнулся.

— Я несколько раз подолгу говорил об этом куске стейка с доком Робинсоном и доктором Кэткартом. Дейв пару раз присутствовал при этих разговорах. Я помню, как однажды Кэткарт — и это случилось не больше чем за месяц до инфаркта, который оборвал его жизнь шесть или семь лет тому назад, — сказал мне: «Ты возвращаешься к этой давней истории, как мальчишка, у которого выпал молочный зуб и который вновь и вновь трогает дыру кончиком языка». И я еще подумал: *Да, он совершенно прав, именно так и есть. Эта история — как дыра, в которую постоянно залезаешь языком, пытаясь нащупать дно.*

— Прежде всего, я хотел узнать, а может, этот кусок мяса засунули Когану в горло — то ли пальцами, то ли каким-то инструментом, вроде вилки для лобстера — после его смерти? Эта мысль приходила к тебе?

Стефани снова кивнула.

— Он сказал, что такое возможно, но маловероятно, потому что кусок мяса был не просто пережеван, а пережеван достаточно тщательно, чтобы его проглотить. По словам Кэткарта, во рту находилось уже не мясо, а, как он это назвал, «органическая пульпа». Мясо до такой степени мог пережевывать и кто-то другой, но представляется сомнительным, чтобы потом его вставили в горло Когану. Побоялись бы, что у кого-нибудь возник-

нет вопрос: а могло ли оно послужить причиной смерти? Следишь за ходом моих рассуждений?

Стефани кивнула.

— Кэткарт также сказал, что с мясом, пережеванным до состояния пульпы, трудно управляться каким-нибудь инструментом. Оно может развалиться на отдельные куски при попытке вставить его в горло. Пальцами это сделать можно, но Кэткарт считал, что от такого насилия остались бы следы, скорее всего, растяжение челюстных связок. — Он помолчал, задумавшись, потом покачал головой. — Они задействуются при опускании челюсти, но точно медицинского термина я не помню.

— Расскажи ей о том, что говорил тебе Робинсон, — предложил Дейв. Его глаза сверкали. — Эта версия в конце концов отпала, но я всегда думал, что она чертовски интересная.

— Док говорил, что существуют мышечные релаксанты, в том числе весьма экзотические, и полуночный стейк Когана могли слобрить одним из них, — подчинился Винс. — Первые откушенные и пережеванные куски могли без проблем проскочить в желудок, где их потом и нашли, а в какой-то момент он прожевал кусок и, к своему изумлению, обнаружил, что проглотить его не может.

— Наверняка так и было! — вскричала Стефани. — Тот, кто слобрил мясо этим релаксантом, сидел рядом и наблюдал, как Коган задыхается!

А потом, когда он умер, привалил его спиной к мусорному баку и забрал остаток стейка, чтобы его не отправили на анализ! Не было никакой чайки! Это... — Она замолчала, глядя на них. — Почему вы качаете головами?

— Вскрытие, дорогуша, — напомнил Винс. — Хроматография не выявила ничего такого в крови.

— Но если это было что-то экзотическое...

— Как в романе Агаты Кристи? — спросил Винс, с улыбкой подмигнув Стефани. — Что ж, возможно... Но кусок мяса остался и в горле, ты же помнишь?

— Да. Конечно. Доктор Кэткорт отправил его на исследование? — Она немного ссутулилась.

— Ага, — согласился Винс, — отправил. Мы, конечно, сельские мыши, но иногда к нам приходят темные мысли. И из посторонних веществ в этом куске хорошо пережеванного мяса обнаружилась только поваренная соль.

Стефани помолчала. А потом сказала (очень тихо):

— Может, это было вещество, которое исчезает.

— Ага. — Дейв кивнул и языком выпятил щеку изнутри. — Как Береговые огни через час или два.

— Или члены команды «Лизы Кабо», — поддакнул Винс.

— И вы не знаете, куда он подался, как только он сошел с парома?

— Нет, мэм, — ответил Винс. — Мы искали больше двадцати пяти лет и не нашли никого, кто бы заявил, что видел его до утра двадцать четвертого апреля, когда Джонни и Нэнси обнаружили тело примерно в четверть седьмого. И для протокола, если бы таковой имелся: я не верю, что кто-то взял из его руки недоеденную часть стейка после того, как он подавился последним куском. Я уверен, что ее утащила чайка, как мы всегда и предполагали. Знаете, мне все-таки пора.

— И мне надо наконец-то добраться до счетов, — кивнул Дейв. — Но сначала, думаю, следует еще раз заглянуть в туалет. — С этими словами он направился к нише за печатной машиной.

— Наверное, и мне лучше заняться колонкой. — Стефани смирилась с неизбежным, потом вдруг воскликнула, наполовину шутливо, наполовину всерьез: — Лучше бы вы мне ничего не рассказывали! Раз собираетесь оставить в таком подвешенном состоянии! Пройдет не одна неделя, прежде чем я смогу выбросить все это из головы!

— Прошло двадцать пять лет, а из наших голов ничего не выбрасывается, — возразил Винс. — Но по крайней мере теперь ты понимаешь, почему мы ничего не рассказали этому типу из «Глоуб».

— Да. Понимаю.

Он улыбнулся и кивнул.

— У тебя все будет хорошо, Стефани. Все будет прекрасно. — Винс по-дружески сжал ей плечо и двинулся к двери, по пути захватив со своего заваленного бумагами стола узкий репортерский блокнот и сунув в задний карман. В свои девяносто он шагал легко, едва заметно сутулясь. Спину его белой рубашки пересекали черные подтяжки. На полпути он остановился и оглянулся. В косой колонне предвечернего солнечного света седые волосы превратились в нимб.

— Приятно, что ты с нами, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты это знала.

— Спасибо. — Она надеялась, что в ее голосе не прорвались слезы. — Это было чудесно. Сначала я немного сомневалась, но... Но теперь знаю: лучше не бывает. Работать здесь — одно удовольствие.

— Ты думала над тем, чтобы остаться? Мне представляется, что да.

— Да. Будьте уверены, думала.

Он сосредоточенно кивнул:

— Мы с Дейвом говорили об этом. Нашей газете не помешает молодая кровь. Достойная молодая кровь.

— Вы оба еще проработаете многие годы!

— Да, — рассеянно ответил Винс, словно иначе быть не могло, и, когда он умер шестью месяцами позже, Стефани сидела в холодной церкви,

записывала впечатления о службе в собственный узкий репортерский блокнот и думала: *Он знал, что грядет.* — Мне тут еще работать и работать. Однако если ты хочешь остаться, мы с удовольствием возьмем тебя. Сейчас тебе нет необходимости давать окончательный ответ, но считай мои слова предложением.

— Хорошо, так и буду считать. И я думаю, ответ нам обоим известен.

— Что ж, это прекрасно. — Он начал поворачиваться к двери, потом снова посмотрел на Стефани. — Сегодняшняя учеба почти закончена, но я все-таки хочу еще кое-что сказать тебе о нашей работе. Можно?

— Разумеется.

— Есть тысячи газет и десятки тысяч людей, которые пишут для них истории, но видов историй существует только два. Есть новости, которые и не истории вовсе, а только отчет о случившихся событиях. Эти материалы и не должны быть историями. Люди раскрывают газету, чтобы прочитать о крови и слезах с тем самым интересом, который заставляет их сбрасывать скорость, проезжая мимо аварии на трассе. Потом они едут дальше, а что находят глубже, под новостями?

— Очерки, — ответила Стефани, думая о Хэнретти и его нераскрытых тайнах.

— Ага. И вот это — истории. В каждой есть начало, середина и конец. Счастливые новости, Стеффи, всегда счастливые новости. Даже если это история о церковной секретарше, которая, возможно, убила половину паствы на церковном пикнике, потому что любовник бросил ее, все равно это счастливые новости. И почему?

— Я не знаю.

— А надо знать, — вмешался Дейв, появившийся из туалета и вытиравший руки бумажным полотенцем. — Надо знать, если хочешь работать в этом бизнесе и понимать, что делаешь. — Он мимоходом бросил бумажное полотенце в корзинку для мусора.

Стефани задумалась.

— Очерки — счастливые новости, потому что в них можно поставить последнюю точку.

— Совершенно верно! — просияв, воскликнул Винс. Вскинул руки в воздух, словно проповедник. — У них есть *решение*! У них есть *конец*! Но есть ли у чего-то в реальной жизни начало, середина и конец, Стефани? Что говорит твой личный опыт?

— Если вы о работе в газете, то его у меня немного, — ответила она. — Только студенческая газета да, вы знаете, колонка «ИСКУССТВО».

Винс отмел это взмахом руки.

— Твои сердце и разум, что они тебе говорят?

— В жизни обычно так не бывает. — Она думала о некоем молодом человеке, с которым ей придется разбираться, если она решит остаться здесь и после завершения четырехмесячной стажировки... и приятного в этой разборке, скорее всего, будет мало. Даже *наверняка*. Рику новость не понравится, потому что он представлял себе эту историю иначе.

— Я не читал ни единого правдивого очерка, — мягко заметил Винс, — но обычно можно уложить ложь в газетную страницу. Эта история не уляжется. Если только... — Он пожал плечами.

Мгновение она не понимала, что означает это пожатие плечами. Потом вспомнила, что сказал Дейв вскоре после того, как они вышли на террасу, под августовские солнечные лучи. «Это наша история, — произнес он с жаром, чуть ли не со злостью. — Парень из «Глоуб», парень издалека... он ее только изгадит».

— Если бы вы отдали эту историю Хэнретти, он бы ее использовал, правда? — спросила она обоих.

— Она не наша, чтобы отдавать, потому что не принадлежит нам, — ответил Винс. — Она принадлежит тому, кто расследует ее до конца.

Чуть улыбаясь, Стефани покачала головой:

— Я думаю, это отговорка. Я думаю, вы и Дейв — последние, кто знает эту историю полностью.

— Были последними, — ответил Дейв. — Теперь есть ты, Стеффи.

Она кивнула ему, принимая этот скрытый комплимент, потом, приподняв брови, вновь перевела взгляд на Винса Тига. Через секунду-другую он усмехнулся.

— Мы не рассказали ему о Парне из Колорадо, потому что он принял бы эту историю за настоящую нераскрытую тайну и превратил бы в еще один очерк, — ответил Винс. — Не искажая факты, но сделав упор на одном: скажем, на идее мышечных релаксантов, которые затрудняют или просто не дают возможности проглотить пищу. А все остальное вынес бы за скобки.

— Но в этой истории нет ничего, что указывало бы на их использование, — возразила Стефани.

— Ага, может, он сделал бы упор на что-то другое. А может, написал бы все по-своему, только потому, что писать истории на основе материалов, которые сами по себе историей не являются, входит в привычку, когда проработаешь в этом бизнесе достаточно лет, а может, его редактор отослал бы очерк назад с рекомендациями, что и где надо изменить.

— Или редактор внес бы изменения сам, если бы время поджимало, — вставил Дейв.

— Да, за редакторами такое водится, — согласился Винс. — В любом случае «Парень из Колорадо», скорее всего, стал бы седьмым или восьмым очерком в написанном Хэнретти сериале «Нераскрытые тайны Новой Англии», чем-то таким, что пятнадцать минут изумляет людей в воскресенье, а в понедельник становится подстилкой в кошачьем туалете.

— И эта история перестала бы быть вашей, — сделала вывод Стефани.

Дейв кивнул, но Винс отмахнулся, как бы говоря: «Чушь!»

— Это я бы пережил, но нельзя вешать ложь на шею человека, который умер и не может опровергнуть ее, и вот с этим я бы жить не смог. Поэтому и не живу. — Он посмотрел на часы. — В любом случае я уже в седле. Кто бы из вас ни уходил последним, обязательно закройте дверь, хорошо?

Винс ушел. Они проводили его взглядами, потом Дейв повернулся к Стефани.

— Есть еще вопросы?

Она рассмеялась:

— Сотня, но, полагаю, ни на один вы с Винсом не сможете ответить.

— Это ничего, главное, чтобы ты не уставала их задавать.

Он пошел к столу, сел, со вздохом пододвинул к себе стопку документов. Стефани уже двинулась к своему столу, как вдруг краем глаза уловила что-то интересное на информационном стенде, который занимал всю стену в дальнем конце комнаты, позади заваленного бумагами стола Винса. Она подошла, чтобы разглядеть получше.

Левую половину стенда покрывали первые страницы старых номеров «Островного еженедельника»; многие из них пожелтели и сморщились. Высоко в углу, отдельно от остальных, висела первая страница газеты от 9 июля 1952 года. С заголовком **«ЗАГАДОЧНЫЕ ОГНИ НАД ХЭНКОКОМ ЗАЧАРОВАЛИ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ»**. Ниже красовался фотоснимок, сделанный Винсентом Тигом, тогда тридцатисемилетним, если она не запуталась в математике. Резкая черно-белая фотография запечатлела бейсбольное поле Малой лиги и за ним, по центру, рекламный щит с надписью: **«ХЭНКОКСКИЕ ЛЕСОРУБЫ» ЗНАЮТ, ЧТО К ЧЕМУ!»** У Стефани сложилось впечатление, что фотография сделана в сумерках. Несколько взрослых на единственной трибуне стояли и смотрели в небо. Как и судья, расположившийся в «доме», с защитной маской в правой руке. Одна группа игроков — видимо, гости — сбилась в кучку у третьей базы, словно надеялась сообща справиться со страхом. Другие игроки, в джинсах и свитерах с надписью **«ХЭН-**

КОКСКИЕ ЛЕСОРУБЫ» на спине, выстроились в линию поперек поля, задрав головы. А на питчерской горке маленький мальчик-подающий поднял руку в перчатке к одному из ярких кругов, которые висели в небе чуть ниже облаков, словно пытался дотянуться до этой тайны, и подтащить к себе, и раскрыть, и узнать ее историю.

Послесловие

В зависимости от того, понравился ли вам «Парень из Колорадо» или нет (думаю, нейтральное мнение сложится у немногих, и меня это вполне устраивает), вы должны благодарить или винить моего друга Скотта. Он принес мне газетную вырезку, с которой все и началось.

Любому беллетристу время от времени кто-то приносит газетные вырезки. В полной уверенности, что из этой заметки или статьи получится прекрасная история. «Тебе нужно только внести небольшие изменения», — обычно говорит податель вырезки с оптимистичной улыбкой. Я не знаю, как это получается у других писателей, но у меня не получалось никогда, и, получив от Скотта конверт со статьей, вырезанной из одной местной газеты штата Мэн, я ожидал, что ситуация повторится. Но мама хорошо нас воспитала, поэтому я сказал «огромное спасибо», взял конверт, отнес домой и бросил на стол. Через день или два вскрыл конверт, прочитал

очерк, который мне передали, и тут же между нами пробежала искра.

Вырезку я с тех пор потерял, и «Гугл», эта знаменитая ищейка двадцать первого столетия, не сумел мне помочь, так что не осталось ничего другого, как черпать факты из памяти, этого общеизвестного своей ненадежностью источника информации. Однако в данном случае это дело десятое, поскольку очерк стал только искрой, которая разожгла огонь, горящий на этих страницах, но никак не самим огнем.

Что сразу привлекло мое внимание, едва я развернул газетную вырезку, так это рисунок ярко-красной сумки. В очерке речь шла о молодой женщине, которой принадлежала эта сумка. Сегодня ее видели шагавшей по Мэйн-стрит небольшого городка на острове у побережья штата Мэн, с этой самой сумкой на плече, а на следующий день — нашли мертвой на одном из пляжей острова, без сумки или чего-то другого, позволяющего установить личность женщины. Даже причина смерти осталась загадкой. В конце концов медицинский эксперт пришел к выводу, что она утонула, возможно, в сильном подпитии, однако это заключение до сих пор под вопросом.

Молодую женщину в итоге опознали, но лишь после того, как она долго-долго пролежала в склепе на материке. А я вновь столкнулся с загаочно-

стью островов Мэна, таких как Крэнберри и Монегэн, с их неожиданно противоречивой атмосферой общности и уединенности. В Америке немного мест, где столь четко прочерчена линия между маленьким миром Внутри и огромным — Снаружи. Островитяне с распростертыми объятьями встречают тех, кого считают своими, но оберегают свои секреты от других, кого таковыми не считают. И — как наглядно показывает Агата Кристи в «Десяти негритах» — нет закрытой комнаты лучше, чем остров, даже отделенный от материка узким проливом, который в ясный летний день можно — казалось бы — преодолеть одним прыжком. Нет другого места, столь идеально подходящего для тайны.

В этом произведении я пишу о тайне, но понимаю, что многие читатели почувствуют себя обманутыми, даже разозлятся, поскольку тайна эта так и остается нераскрытой. Все потому, что мне не удалось ее раскрыть? Ответ — нет. Если бы я напруг мозги (как выразился Ричард Адамс в предисловии к «Шардику»), то предложил бы с полдюжины развязок: три хороших, две еще лучше и одну просто отличную. Подозреваю, что многие, кто прочитал «Парня из Колорадо», сами отыскиали эти развязки. Но в этом конкретном случае, в этом самом сложном деле, если мне будет дозволено

обыграть название серии*, в которой вышла эта книга, меня интересовала не развязка, а сама тайна. Потому что именно тайна продолжала возвращать меня к этой истории, день за днем.

Занимали ли меня два старика, которые тратили на расследование свое свободное время, хотя год уходил за годом, а они старели все больше и больше? Да, занимали. Занимала ли меня Стефани, которая определенно проходила какую-то проверку, а о достигнутых результатах судили добрые, но строгие экзаменаторы? Да... и я хотел, чтобы проверку она прошла. Радовало ли меня каждое маленькое открытие, каждый лучик света в этом темном царстве? Безусловно. Но больше всего меня притягивал к себе Парень из Колорадо, который сидел, привалившись к мусорному баку, и смотрел на воду: аномалия, от которой может предельно растянуться даже самая эластичная доверчивость. И даже разорваться. В конце меня уже не волновало, как он туда попал. Как и в случае с соловьем, услышанным в пустыне, дыхание перехватывало от самого факта, что он там оказался.

И, разумеется, мне хотелось увидеть, как мои персонажиотреагируют на факт его присутствия. Как выяснилось, в расследовании они преуспели. Я ими горжусь. Теперь буду ждать ваших писем,

* «Hard case crime» — название серии американского издательства Winterfall LLC.

электронных или бумажных, чтобы узнать, что вы о нем думаете.

Не хочу повторяться, но, прежде чем мы расстанемся, я попрошу вас поразмыслить о том, что мы живем в паутине тайн и так к ним привыкли, что вычеркнули это слово из нашего лексикона и заменили другим, которое нравится нам больше: словом «реальность». Откуда мы идем? Где были до того, как попали сюда? Я не знаю. Куда мы идем? Я не знаю. Множество религий убеждает нас, что у них есть ответы, но в большинстве своем мы подозреваем, что это обман, призванный наполнить деньгами их тарелки для пожертвований. А пока нас словно заставляют играть в вышибалы, вот мы и носимся от «что угодно» до «понятия не имею». Иногда бомбы взрываются, а иногда самолеты приземляются благополучно, иногда анализ показывает, что с кровью все в порядке, а иногда в биопсии обнаруживаются раковые клетки. Дурные вести редко приходят глубокой ночью, но иногда такое случается, и мы знаем, что нам предстоит мчаться на полных парах навстречу тайне.

Это безумие — жить со всем этим и сохранять рассудок, но есть в этом и красота. Я пишу, чтобы выяснить, что думаю, и вот что я узнал, когда писал «Парня из Колорадо»: возможно — подчеркиваю, только возможно, — прелесть тайны и позволяет нам сохранять здравомыслие, пока мы пило-

тируем наши хрупкие тела по разрушительному гоночному миру. Мы всегда хотим дотянуться до огней в небе, и нам всегда хочется узнать, откуда взялся этот Парень из Колорадо (в мире, где Парней из Колорадо полным-полно). Хотеть — возможно, лучше, чем знать. Это не утверждение, скорее, только предположение. Но если вы скажете, что я не справился с работой и не рассказал вам эту историю целиком, как следовало рассказать, я отвечу, что вы ошибаетесь.

Я в этом *уверен*.

Стивен Кинг

31 января 2005 года

От переводчика

Пользуясь случаем, переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего, Алексею Анисимову из Сестрорецка, Ольге Бугровой из Москвы, Александру Викторову из Саратова, Антону Галаю из Харькова, Екатерине Галеевой из Челябинска, Кристине Егоровой из Риги, Антону Егорову из Тулы, Алексею Ефимову из Санкт-Петербурга, Ольге Исаковой из Екатеринбурга, Петру Кадину из Северодвинска, Эрику М. Кауфману из Санкт-Петербурга, Николаю Козлову из Ногинска, Егору Куликову из Томска, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Андрею Михалицыну из Москвы, Лизе Пинаевой из Бендер, Анастасии Садовой из Саратова, Алексею Санькову из Новосибирска, Марине Сапаргалиевой из Усть-Каменогорска, Надежде Симкиной из Химок, Екатерине Соймановой из Томска, Антону Чекмареву из Днепропетровска), принявшим участие в

работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
ПАРЕНЬ ИЗ КОЛОРАДО

Роман

Ответственный редактор **А. Батурина**
Художественный редактор **Е. Фрей**
Технический редактор **О. Серкина**
Компьютерная верстка **В. Фирстов**

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 22.09.2017.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Newton».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Доп. тираж 2 000 экз. Заказ № 5224

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-62-03, 44-60-34, Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-17-095169-7

9 785170 951697 >

А О Т

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

На маленьком острове близ побережья штата Мэн найден труп молодого мужчины, но при нем не обнаружено никаких документов. Кто он? Что привело его в это уединенное место? И действительно ли, как утверждает полиция, причиной смерти стал несчастный случай? Два местных журналиста решают раскрыть тайну гибели незнакомца самостоятельно. Но чем дальше продвигается их расследование, тем больше возникает вопросов и тем меньше на них ответов...

«Парень из Колорадо» — захватывающий роман, написанный в лучших традициях классического американского детектива. Стивен Кинг вновь доказывает — его «фирменный стиль» хорош для любого жанра.

www.ast.ru

ISBN: 978-5-17-095169-7

9 785170 951697